

№132 2016 30 октября

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

ПАНОПТИКУМ ПО-НОВОСИБИРСКИ

Не проходит месяца, чтобы восточная лента не принесла известие о новой географической точке на карте страны, где очень хотят поставить памятник Сталину. «30 октября» неоднократно писала о подобных инициативах. Последнее «громкое дело» было в Архангельске («30 октября» №130), в начале лета поклонники Сталина активизировались в Новосибирске.

Каждую пятницу в конце рабочего дня у дома Ленина в Новосибирске проходит одиночный пикет по сбору подписей за установку памятника Сталину в сквере Героев революции.

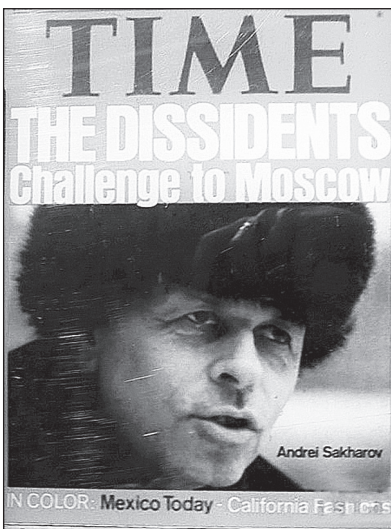
Как сказал корреспонденту газеты «30 октября» руководитель инициативной группы по установке памятника Сталину, лидер новосибирской организации ВКПБ Алексей Денисюк, первый пикет был 9 июля. «Установить памятник мы пытаемся с 2008 г. Тогда за несколько месяцев мы собрали 1940 подписей. В 2010 г. еще дополнительно было собрано 560 подписей. Этим летом только за один день было собрано 33 подписи. Кроме этого, многие горожане брали у нас подписные листы и обещали собрать подписи среди своих знакомых и передать их нам на следующем пикете. Среди них много молодежи. Пикеты будем проводить каждую неделю все лето», — рассказал Алексей Денисюк. Он также сказал, что инициативная группа подготовила эскизные проекты памятника, который планируется установить в сквере Героев революции. Автор проекта — скульптор Павел Марков.

Председатель Законодательного собрания Новосибирской области Андрей Шимкив по поводу этой инициативы заявил 7 июля на пресс-конференции, что «нужно проводить... референдумы, когда речь заходит о таких вопросах». Денисюк же считает, что Сталин не нуждается в референдуме. «История уже показала правоту его дела и выдающуюся значимость его личности. Нам не останавливать, и памятник Сталину будет», — уверен руководитель инициативной группы.

Как сказал руководитель общественной организации Новосибирское областное историко-просветительское и правозащитное общество «Мемориал» Александр Рудницкий, окончательное решение вопроса об установке памятника Сталину будет принято художественным советом города осенью, когда пройдет сезон отпусков и чиновники вернутся на свои рабочие места. Он назвал «предательством» и «политиканством» попытку установить бюст Сталина в сквере Героев революции, так как, по его мнению, личность Сталина несоразмерна по своему значению с историческими лицам, чьи памятники уже стоят там. «Если уж они считают нужным ставить Сталину памятник, он должен быть никак не меньше, чем памятник Ленину на главной площади Новосибирска, а в руках у него должны быть подписанные им расстрельные списки, которые он утвердил. А сам генералиссимус должен стоять на горе из человеческих черепов», — сказал Рудницкий.

Он также заметил, что если большинство жителей Новосибирска на референдуме проголосуют за установку памятника Сталину,

Окончание на с. 2 >

В Сахаровском центре состоялся традиционный Фестиваль Свободы. На сей раз в рамках фестиваля одновременно отмечались 95-летие Андрея Сахарова и 20-летие самого Сахаровского центра.

Фестиваль начался с открытия выставки «Сахаров» (куратор — Наталья Самовер, художник — Валерий Риван), где были собраны документы, фотографии и личные вещи из фондов архива Сахарова. Открывая выставку, исполнительный директор Сахаровского центра Сергей Лукашевский напомнил, что в этом году фестиваль совпал с днем рождения Андрея Сахарова. «Эта выставка — попытка рассказать о Сахарове, его жизненном пути, переломных моментах на основе материалов из архива Сахарова», — отметил он.

Известный диссидент, первый российский уполномоченный по правам человека Сергей Ковалев заявил, что нельзя забывать о Сахарове, и посетовал на то, что образ академика и правозащитника серьезно искажается и в этом искажении принимают участие и пред-

О САХАРОВЕ, СВОБОДЕ И НЕСВОБОДЕ

ставители интеллигенции. В качестве примера Ковалев привел передачу на радио «Эхо Москвы», участники которой сравнивали Сахарова и Горбачева, провозгласив, что Горбачев — «это Сахаров сегодня». (Сергей Ковалев упоминает программу «2016» от 20 мая 2016 года. — Примеч. «30 октября») «Это сравнение невозможно. Сахаров был бунтарем по природе, а Горбачев — политик, приспособляющийся к обстоятельствам», — заключил правозащитник.

«Это сравнение невозможно. Сахаров был бунтарем по природе, а Горбачев — политик, приспособляющийся к обстоятельствам», — заключил правозащитник.

Председатель Совета по правам человека при президенте РФ Михаил Федотов отметил, что люди, предлагающие кандидатуры «сегодняшнего Сахарова», просто не понимают различия между правоза-

щитниками и политиками. «Андрей Дмитриевич Сахаров был правозащитником, ученым, гуманистом, но политиком он не был! Что хорошо для политика, то было невозможно для Сахарова», — отметил Федотов. Он также подчеркнул, что действующая Конституция во многом воспроизводит идеи Сахарова и является главным инструментом в отстаивании прав и свобод человека.

А.Д.Сахаров в 1989 году был избран народным депутатом СССР, участвовал в I и II Съездах народных депутатов СССР в Кремлевском дворце. В рамках I Съезда 2 июня

Окончание на с. 7 >

На снимках: Обложка журнала «Time», февраль, 1977 г. Сергей Лукашевский и Сергей Ковалев на открытии выставки «Сахаров». Фото Веры Васильевой и из архива Сахаровского центра

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ПЕРМСКОГО ЦЕНТРА ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

С сайта Министерства образования исчезла электронная версия методического пособия «Изучение в школе истории сталинских репрессий». Методичка была издана в 2015 году пермским Центром гражданского образования и прав человека (ЦГО) для учителей истории 9–11-го классов.

Центр занимается защитой интересов студентов, мигрантов, школьников, учителей, сотрудников различных организаций. Глава Центра, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории России Пермского государственного педагогического университета, Андрей Суслов рассказал, что поводом к «изъятию» послужило экспертное заключение, сделанное для Роскомнадзора. Психолог Жанна Тачмамедова и педагог Ирина Мясникова решили, что методичка для учителей может вызвать негативные эмоции у детей, от которых их стоит защитить, и в целом сборник угрожает безопасности страны.

Напомним, в марте 2016 года суд признал городскую общественную организацию Центр гражданского образования и прав человека виновной в нарушении порядка деятельности НКО, выполняющей функции иностранного агента, с чем ЦГО категорически не согласен, однако в июне 2016 года суд подтвердил обвинение.

Заявление Вольного исторического общества и Международного общества «Мемориал»

Считаем нашим гражданским и профессиональным долгом выразить отношение к преследованию пермского Центра гражданского образования и прав человека, которым руководит доктор исторических наук, профессор Андрей Борисович Суслов. Поводом для кампании, ведущейся против Центра на протяжении несколь-

ких месяцев, стало издание в 2015 году методического пособия для учителей «Изучение в школе истории сталинских репрессий» (авторы-составители А.Б.Суслов и М.В.Черемных, тираж 150 экземпляров).

Аккредитованные эксперты Федеральной службы по надзору в сфере услуг связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, привлеченные Роскомнадзором к оценке содержания пособия, — психолог Жанна Тачмамедова и педагог Ирина Мясникова, — сделали вывод о не-

допустимости использования данного пособия в образовательном процессе.

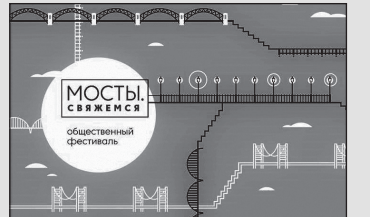
Ж.К.Тачмамедова обвиняет авторов в том, что они дискредитируют в сознании детей готовность к самопожертвованию (Экспертиза, С. 9), и делает из этого вывод, что в пособии содержится «пропаганда приоритета личных интересов над общественными и государственными». Подобная пропаганда, считает эксперт, «формирует безнравственных личностей, а при условии массового распространения подобных учебных программ угрожает безопасности страны» (Экспертиза, С. 10; здесь и далее в цитатах из Экспертизы сохранены грамматические и стилистические особенности оригинала).

Вообще-то приоритет личности над «государственными интересами» утверждает прежде всего Конституция Российской Федерации: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» (ст. 2, раздел первый — «Основные положения», гл. 1 — «Основные конституцион-

Продолжение на с. 2, 11 >

В НОМЕРЕ:

Фестиваль «Мосты» в Перми с. 3

Как рассказать о репрессиях в музеях с. 5

«...Эти люди были» с. 6

Есть у реабилитации начало, но не видно еще конца... с. 8

Прогулка по шаламовской Москве с. 10

Дорогие читатели!

Тираж газеты существенно сокращен в связи с нехваткой денег на издание у «Международного Мемориала». Если Вы хотите получить pdf-версию газеты на электронную почту, то можете направить в редакцию запрос на годовую бесплатную pdf-подписку по адресу 30october@cknot.info

Главный редактор Григорий ШВЕДОВ

ТУЛЬСКИЙ «МЕМОРИАЛ» ГОТОВИТ ШЕСТОЙ ТОМ КНИГИ ПАМЯТИ

Тульское областное отделение Российского историко-просветительского и правозащитного общества «Мемориал» издает Книгу Памяти, целью которой является увековечить имена и судьбы безвинно пострадавших от репрессий людей. На данный момент издание насчитывает 5 томов, в которых собраны сведения о десятках тысяч репрессированных. Теперь Тульское общество «Мемориал» начало сбор средств на издание шестого тома Книги Памяти.

В будущем шестом томе будут размещены списки немцев-трудармейцев, крымских татар и узников спецлагерей, трудившихся на шахтах мосбасса; списки лиц, лишенных избирательных прав в годы НЭПа; краткие справки о репрессированных по политическим мотивам; статьи, биографические очерки, фотографии и документы. «30 октября» неоднократно публиковала материалы авторов и составителей нового тома Книги Памяти.

Окончание на с. 4 >

РЕГИОНЫ

ВЕНКИ НА НЕВЕ

4 июня 2016 года, в первую субботу июня, в 29-й раз состоялась ежегодная акция памяти погибших в тюрьмах Петрограда-Ленинграда. В акции, проводимой «Мемориалом» с 1988 года, в этом году приняли участие около 300 человек.

Традиция опускать венки в воды Невы возникла на заре мемориального движения. Первый раз акция состоялась в первую субботу июня 1988 года по инициативе Натальи Александровны Константиновой и Валентина Тихоновича Муравского, руководителя поисковой группы, позже, в 1989 году, обнаруживших захоронение в Левашовской пустоши. Их обоих уже нет в живых, но заложённая ими традиция продолжается.

В июне 1988 года в Ленинграде еще не было памятника жертвам государственного террора. Общество «Мемориал» еще было движением — самым массовым из всех, возникших в годы Перестройки. Закладной камень памятника на Троицкой площади еще не был установлен (он появился 4 сентября 1990 года). Не были открыты места массовых захоронений расстрелянных, погибших, замученных в тюрьмах Петрограда и Ленинграда. Поэтому опускание венков и цветов в воды Невы символизировало память о людях, чьи могилы неизвестны.

С тех пор Общество «Мемориал» в Ленинграде, а затем в Петербурге проводит ежегодную акцию поминовения на Воскресенской набережной (до 2015 года — набережная Робеспьера). В этом году она состоялась в 29-й раз. Организатором выступил фонд Иофе. С 2015 года он ведет публичную деятельность, которой ранее занимался Научно-информационный центр «Мемориал». Акция прошла в форме митинга на спуске к Неве, в створе проспекта Чернышевского, напротив следственного изолятора Кресты. По окончании митинга в воды Невы опустили венки и цветы.

Выступающие на митинге говорили о том, что церемония посвящена людям, о которых неизвестно, где они погибли и где их могилы, о том, что архивные источники до сих пор плохо доступны и что вообще память о жертвах политических репрессий недостаточно присутствует в обществе, о чем свидетельствуют многочисленные попытки реабилитировать Сталина, установить ему памятники и мемориальные доски в разных местах страны.

Александр Даниэль, сопредседатель Петербургского «Мемориала», который вел митинг, сказал: «Мы вспоминаем тех, у кого отняли жизнь и свободу. Сегодня эти ценности целенаправленно размываются в общественном сознании, нивелируются. Мы, как можем, пытаемся противостоять этой тенденции. Когда-то, в то время, когда эти акции только начинались, мы наивно думали, что стоит рассказать людям правду о миллионах расстрелянных и погибших в лагерях, как все изменится и это больше никогда не повторится. Но сейчас мы нередко можем услышать в ответ — ну и что, подумаешь!»

По словам Александра Даниэля, такая реакция на правду о терроре даже страшнее отсутствия этой

правды, потому что подобная оценка массовых репрессий исключает российское общество из цивилизованного мира, передает его слова Радио «Свобода».

На митинге поддержали зародившуюся в социальных сетях идею о проведении маршей, подобных маршам «Бессмертный полк», под названием «Бессмертный барак», где люди будут идти с фотографиями своих репрессированных родственников. Напомним: «Бессмертный барак» — общественный проект по сохранению памяти о советском периоде репрессий, голода, депортации народов и массовых расстрелах. В социальных сетях, например, в Facebook число участников группы превышает 35 тысяч.

Александр Даниэль отметил, что «один венок был от организаторов акции, другой — от областной комиссии по реабилитации при администрации Ленинградской области, а вот официальных лиц города не было. Наша акция — это попытка вспомнить погибших, противостоять всеобщей национальной амнезии». По словам Даниэля, очень важно, чтобы подобные традиции укоренились и в других городах, где есть похожие мемориальные мероприятия. «Первую субботу июня в Петербурге можно назвать состоявшейся петербургской традицией, которую особенно важно поддерживать именно сегодня», — сказал он на Радио «Свобода».

После митинга его участники поехали на Троицкую площадь, где в полдень прошла церемония возложения цветов к памятнику жертвам политических репрессий — Соловецкому камню. Оттуда через некоторое время отошли 2 автобуса. Первый автобус направился в Левашово для посещения мемориального кладбища «Левашовская пустошь» с руководителем группы Галиной Школьник, исполнительным директором Петербургского «Мемориала». Там, помимо обычных поминальных мероприятий, прошло молитвенное стояние группы «Православные христиане за мир с Украиной», посвященные Дню памяти жертв политических репрессий. Участники вспомнили как пострадавших в годы террора, так и погибших в ходе современной необъявленной войны. Второй автобус отвез желающих на экскурсию в Ковалевский лес на 4-м километре Рябовского шоссе («Дороги жизни»), к месту расстрелов по приговору Петроградской ЧК. Предположительно, здесь захоронено около 5 тысяч человек, среди которых — участники Кронштадтского восстания 1921 года и приговоренные по

Окончание на с. 9

На снимке: Александр Даниэль выступает на митинге памяти. Фото их архива Фонда Иофе

ПАНОПТИКУМ ПО-НОВОСИБИРСКИ

Окончание. Начало на с. 1

то это будет означать, что обществу «наплевать на репрессии», на мнение 10 тысяч реабилитированных жителей города, а также тех, кто не может простить Сталину истребление граждан и народов СССР.

В Новосибирске не выявлены места, где были захоронены репрессированные, если не считать найденных в мае 2013 года на месте бывшей пересыльной тюрьмы НКВД останков 32 расстрелянных. Эти останки, сложенные в 3 коробки, в настоящее время находятся в гараже Александра Рудницкого

и ждут часа, когда будут преданы земле. Сейчас на месте пересыльной тюрьмы строится 22-этажный дом. Его начали возводить после сноса психоневрологического диспансера, который размещался в здании бывшей пересыльной тюрьмы НКВД. При рытье котлована и были обнаружены человеческие останки.

Правозащитники настояли на проведении расследования этого случая и потребовали сделать экспертизу найденных костей.

«Сейчас расследование завершено. Установлено, что найденные останки принадлежат 32 разным людям. Найден один целый че-

реп и 6 поврежденные, принадлежащих мужчинам от 25 до 30 лет. Есть также останки одного подростка и нескольких женщин, пары мужчин 40–50 лет. Уголовное дело по факту обнаружения костей так и не было возбуждено», — говорит Александр Рудницкий.

«Есть идея поставить небольшой монумент рядом с памятником жертвам политических репрессий в Нарымском сквере напротив бывшего места тюрьмы. Там и будут, скорее всего, захоронены останки», — сказал Рудницкий. По его словам, на фоне всего этого, учитывая, что в Новосибирске многие годы расстреливали людей, но где их закапывали — неизвестно, нет ни одного места захоронения, устанавливать бронзовый памятник Сталину — безнравственно.

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ПЕРМСКОГО ЦЕНТРА
ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Продолжение. Начало на с. 1

ного строя»). В качестве частного лица Ж.К.Тачамедова, разумеется, вправе критиковать российскую Конституцию и считать, что ее основы «формируют безнравственных личностей» и «угрожают безопасности государства»; но в качестве аккредитованного эксперта государственного учреждения ей не следовало бы так явно выступать с антиконституционными утверждениями. И тем более государственному учреждению не следует принимать решения исходя из антиконституционных позиций эксперта.

Впрочем, сам текст пособия, на который ссылается эксперт для доказательства своих утверждений: — «Сегодня мы часто слышим, что цель оправдывает средства, что во имя высокой цели можно пренебречь такими ценностями, как жизнь и свобода отдельного человека или даже целых групп» (Пособие, С. 24), — вовсе не подтверждает обвинения в «дискредитации готовности к самопожертвованию». Очевидно, что речь здесь идет вовсе не о самопожертвовании, а о нарушении прав других людей, социальных групп или даже целых народов. Таким образом, вся цепочка рассуждений эксперта лишена какой-либо основы и не имеет к Пособию никакого отношения.

Эксперт утверждает, что при использовании таких слов, как «кошмар», «террор», «вселенские безумные масштабы», «на уроках создается пугающая гнетущая атмосфера, вредно воздействующая на психику школьников, провоцирующая». Столь же вредным признается посещение мест памяти или чтение писем репрессированных (Экспертиза, С. 10–11). Таким образом, под предлогом заботы о детской психике эксперт фактически предлагает лишить школьников возможности сопереживать жертвам репрессий, закрыть для подростков доступ к информации о тяжелых страницах истории нашей страны. Между тем, именно сопереживание, сочувствие несправедливо пострадавшим играют колоссальную роль в становлении личности подростка, его взрослении. С точки зрения возрастной психологии и педагогики заключение эксперта является не просто некомпетентным, но откровенно безграмотным. Заметим, что на формирование чувства эмпатии, — в частности, в ходе посещения на-

цистских концлагерей и других мест памяти как обязательной части образовательного процесса, — опирается преподавание истории Второй мировой войны во всех странах Западной и Центральной Европы.

Столь же тенденциозным и некомпетентным с психолого-педагогической точки зрения является и заключение второго эксперта — И.Ф.Мясниковой, которая возражает против исследования школьниками мест памяти на том основании, что они способны «вызвать ужас» (Экспертиза, С. 35). Но такие исследования и должны вызывать ужас. Этот ужас — очистительный, дающий шанс на то, что подобное в истории нашей страны не повторится. К социальной дезадаптации подростков, которой пугает эксперт, это чувство никакого отношения не имеет, напротив, противостоит ей, воспитывая в них гражданскую ответственность.

Нельзя не добавить, что стремление обоих экспертов оградить школьников от тяжелых эмоциональных переживаний входит в откровенное противоречие с включением в школьную программу по литературе книги «Архипелаг ГУЛАГ» А.И.Солженицына, которое стало результатом инициативы президента РФ.

Обвиняя авторов пособия в субъективности, И.Ф.Мясникова по-

зволяет себе решать, какой объем знаний о сталинских репрессиях достаточен: «в учебнике истории России для 9-го класса авторы А.А.Данилов, Л.Г.Косулина, М.Ю.Брандт, повествуя о предвоенных годах, достаточно ясно освещают разные стороны жизни страны, не умышленно ее негативные страницы. Бесстрастным научным языком сообщается и о количестве репрессированных, приводятся данные по ГУЛАГу и т.д.» (Экспертиза, С. 23). Вопрос о том, нужно ли говорить с подростками об исторических трагедиях «бесстрастным» или, напротив, эмоциональным языком, как минимум, спорен. Напомним, что широко распространено и прямо противоположное мнение: многие считают, что история репрессий в современных учебниках освещена недостаточно подробно. Методическое пособие Сулова и Черемных дает возможность тем учителям, которые придерживаются этого мнения, заполнить существующие лакуны.

Экспертное заключение заканчивается безапелляционным вер-

Продолжение на с. 11

На снимке: Андрей Сулов, директор Пермского Центра гражданского образования и прав человека. Фото из архива ЦГО, Пермь

РОБЕРТ ЛАТЫПОВ:
Интересовали не крайности,
а смыслы

«Разговор на «круглом столе» шел о воспроизведении трудного прошлого в городском пространстве, — рассказал он. — Речь шла не только о репрессиях, но и о войне, о том, как воспринимается трудное прошлое сегодня в городских пространствах».

Участники «круглого стола» сознательно не рассматривали того, что касается школьных учебников и монографий, и при этом хотели наоборот на семинаре разные примеры визуализации трудного прошлого именно в городе. Доклады, по словам Латыпова, были «замечательные, интересные и разноплановые».

Роберт Латыпов изложил основные тезисы своего доклада корреспонденту «30 октября».

«Я понимал, что мои коллеги будут говорить о музейных пространствах, экспозициях, памятниках. Поэтому решил рассказать о том, чем я, собственно, и занимаюсь — гражданскими инициативами, — пояснил Роберт Латыпов. — Мое выступление было посвящено визуализации трудного прошлого посредством гражданских инициатив. За его основу я взял известные всем две гражданские инициативы — «Бессмертный полк» и «Последний адрес». Я попытался найти общие вещи, которые объединяют эти два внешне абсолютно разных проекта, а также рассказать об их плюсах и минусах».

«Напомню, что это проекты последних 3–4 лет, — отмечает собеседник газеты «30 октября». — «Бессмертный полк» — это, вроде бы, единовременная акция, но визуальный образ акции сопровождает нас и до 9 мая, и после него. Я приводил в пример Пермь — у нас до сих пор висит на Октябрьской площади города огромный баннер, 2/3 которого посвящены «Бессмертному полку». То есть визуальный образ этого проекта — он не единовременный».

«Последний адрес» — проект более «тихий», со своими маленькими мемориальными табличками, — продолжает Латыпов. — Но при этом его плюс — в его постоянстве. Новые таблички появляются регулярно не только в Москве и в Питере, но и у нас. К слову сказать, буквально через три дня после встречи на фестивале мы провели в Перми церемонию установки очередных шести мемориальных табличек «Последнего адреса».

Проекты, по словам участника «круглого стола», разные, но у них есть очень много объединяющих моментов — они появились недавно, они медийно раскрученные и реально пользуются общественной поддержкой. Проект «Последний адрес» иногда даже пользуется поддержкой властей — они, по крайней мере, не мешают, а иногда и очень серьезно помогают.

При этом, добавляет Латыпов, у каждого из них есть и свои минусы. «Память посвящена, прежде всего, жертвам. В «Бессмертном полку» — жертвам войны. Лишь в последнее время люди стали выходить с портретами своих родных, которые пережили немецкий плен, а потом проходили советский ГУЛАГ. Тем не менее, это — фрагментарная, в основном семейная, память. Да, благодаря этой акции люди стали больше интересоваться историей своих предков. Но при этом представление о войне до сих пор стереотипно», — отмечает Латыпов.

«В «Последнем адресе» маленькая табличка со скупой информацией рассказывает о чьей-то индивидуальной трагедии. Но только при большом количестве таких табличек создается впечатление о масштабном преступлении, совершенном государством. А сейчас пока это превращается в мини-трагедию, которая российским обывателем не воспринимается как часть большой отечественной истории»,

ФЕСТИВАЛЬ В ПЕРМИ: НАВСТРЕЧУ ВЕСНЕ

В Перми с 15 по 19 июня прошел фестиваль «Мосты». Проект начался в 2014 году, после закрытия властями форума «Пилорама». В 2015 году состоялся фестиваль «После Пилорамы», который и превратился затем в «Мосты». В его рамках прошли различные мероприятия, среди которых — «круглый стол» «Ландшафты памяти: трудное наследие в городском общественном пространстве» и выставка «Разные войны». Корреспондент газеты «30 октября» поговорил об этом с их участниками — председателем Пермского отделения Международного общества «Мемориал» Робертом Латыповым и историком Никитой Ломакиным.

— делится своей точкой зрения собеседник.

Есть еще одно, что объединяет эти проекты, — это совокупность старых и новых мифов. «В советский период не отвергался сам факт необоснованных репрессий, но обществу он подавался как некая ошибка, ставшая следствием культа личности Сталина, но ни в коем случае не как необходимость регулярного насилия и идеологического пресинга, заложенного в основе политического строя, установленного большевиками, — отмечает Латыпов. — Как раз эту мифологию не приемлет часть активных граждан. К примеру, для самых упорных антисталинистов и антикоммунистов «Последний адрес» — какой-то жалкий компромисс между необходимостью считаться с фактом массовых политических репрессий, с одной стороны, и борьбой за десталинизацию, за осуждение кровавого режима — с другой. А тут «Последний адрес» предлагает людям заниматься маленьким и простым делом, связанным с реабилитацией. Причем такого весьма, по их мнению, поверхностно свойства. Я слышал такую точку зрения. Для них это подобно хрущевской реабилитации, которая при всей ее массовости проходила часто поверхностно, не осуждая сталинизм. Только юридическая реабилитация, которая не привела к коренным политическим переменам в стране. Такое отношение к «Последнему адресу»».

В «Бессмертном полку» мифологизация и стереотипы видны в символической, в риторике, в стремлении власти приватизировать этот проект. «Сейчас по-прежнему есть общественная инициатива «Бессмертный полк», которая продолжает существовать. А есть официальная, которую создает ОНФ и которая пытается отодвинуть общественников от этого движения», — рассказал Латыпов. В Перми, по его словам, пока побеждает точка зрения, что эта акция не должна быть политизирована и монополизирована властью. Но некое ощущение того, что через «Бессмертный полк» стремятся укрепить реваншистские тенденции в гражданском обществе, очевидно, считает он.

«В своем выступлении я не объяснял содержание каждой акции — аудитория была весьма подготовленная. Я не говорил о скандалах.

Мне лишь хотелось провести анализ со стороны, так как интересовали не крайности, а смыслы», — пояснил Роберт Латыпов.

ОБА ПРОЕКТА КРАЙНЕ ВАЖНЫ И СИМПТОМАТИЧНЫ

В последнее время, весьма непросто для российского гражданского общества (особенно той его части, которая работает с трудным прошлым, а значит, работает с трудным настоящим) оба эти проекта, по словам собеседника, «крайне важны и симптоматичны». Латыпов надеется, что на их фоне будут появляться и другие, потому что «произошел прорыв» к подобным успешным историям.

«Что мне нравится в этих гражданских инициативах? Первое — это история не о государстве, сохранение памяти не о государственном величии, не о государственных победах и поражениях. Это — история о гражданах. Что в «Бессмертном полку», что в «Последнем адресе». Это — индивидуальная история. Как наш мемориальный школьный конкурс «Человек в истории. Россия — XX век». Это крайне важно, — считает он. — И второе — это еще и гражданский проект. Его в своей основе реализуют граждане, которые занимаются сохранением памяти без государства, а иногда и вопреки государству».

«В нашей выставке очень важный и поучительный момент — это как отражается в наших сегодняшних школьных учебниках память о войне. В российских учебниках во многом сохраняется советская традиция: эта память чаще всего не субъектна, — считает Роберт

это произошло? Нужно ли помнить этих людей? Почему?»

ВЫСТАВКА «РАЗНЫЕ ВОЙНЫ» — ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ЕЕ САМЫЕ ТРУДНЫЕ МОМЕНТЫ

О ВЫСТАВКЕ

Выставка «Разные войны» была посвящена описанию событий Второй мировой войны в школьных учебниках истории разных стран. На ней были представлены Россия, Польша, Литва, Чехия, Германия, Италия. Каждая страна представляла по 2–3 учебника, Россия представила семь или восемь учебников. Русская версия выставки побывала в «Мемориале» в Москве, в Ельцин-центре в Екатеринбурге, теперь она проходит в Перми. Английский аналог путешествует, тем временем, по Европе: она открылась в Праге, затем выставлялась в Страсбурге, в планах — Берлин, Мюнстер, Варшава.

О ЕДИНОМ УЧЕБНИКЕ ИСТОРИИ

О том, чем отличается методика преподавания истории XX века в части репрессий в разных странах, рассказывает Никита Ломакин, проанализировавший российские учебники.

На настоящий момент разных учебников по истории по-прежнему много. Однако ключевой вопрос с формальной точки зрения в том, насколько они соответствуют историко-культурному стандарту, отмечает он. «Еще в прошлом году в списках Министерства образования была дюжина рекомендованных учебников. Теперь таких всего три — это следствие долгих попыток чиновников унифицировать преподавание истории в школе», — пояснил Никита Ломакин.

По его словам, «волн унификации» в 2000–2010-х годах было несколько. Первая была связана с появлением учебника под редакцией Филиппова. «Это очень скандальный учебник с грубо сформулированной патриотической повесткой, — рассказывает историк. — Главная идея — представить историю как набор славных эпизодов без всякого критического осмысления. Для примера одна история — Катынский расстрел. Во всех учебниках про это писалось. Как можно сделать из убийства военнопленных славный факт нашей истории? Очень легко. У нас же была война с Польшей в 1920 г. Гражданская война переходит в наступление на Польшу. Поляки, якобы, много наших убили, и мы, устраивая расстрел в 1940 году, отомстили им за 1920 году Другой пример — депортация целых народов по обвинению в пособничестве захватчикам. Как сделать из этого славный факт нашей государственной биографии? Очень легко. Примерно три страницы посвящено коллаборационизму и помощи крымских татар немецким оккупантам, и дальше в одном абзаце говорится о том, что эти факты стали поводом для депортации. Такой подход».

Провал этого учебника, по словам Ломакина, был на организационном уровне — «он вышел очень большой». В школе по нему преподавать было нельзя, потому что он просто не влезал в школьную программу.

Следующая волна унификации связана с отказом от идеи единого учебника в пользу создания набора правил, которым должен соответствовать учебник. Этот свод получил название Единого историко-культурного стандарта. Текст был закончен в 2015 году, тогда же начали писать учебники, соответ-

Окончание на с. 5

На снимках: Роберт Латыпов. Фрагмент экспозиции выставки «Разные войны». Фото их архива Пермского «Мемориала»

➤ Окончание. Начало на с. 1

Работа над изданием ведется членами общества и волонтерами безвозмездно, как будет безвозмездным и последующее распространение тиража, но для издания хотя бы 500 экземпляров требуются деньги — для оплаты услуг издательства и типографии нужно собрать 700 тысяч рублей.

Тулский «Мемориал» начал размещение в социальных сетях уже подготовленных материалов для книги. Так, на странице в Facebook опубликованы разде-

лы, посвященные немцам, высланным с мест проживания, и немцам-трудармейцам в годы Великой Отечественной войны и в послевоенное время, списки «Лишенцы Сталиногорска», «Крымские татары в тульском спецлагере № 0308/12 НКВД СССР», «Спецконтингент на шахтах Подмосковского угольного бассейна».

Страница проекта, через которую происходит сбор средств, находится на интернет-платформе Planeta.ru «Верните нам имена! Издание Книги Памяти».

ТУЛЬСКИЙ «МЕМОРИАЛ» ГОТОВИТ ШЕСТОЙ ТОМ КНИГИ ПАМЯТИ

Дорогие друзья! Мы, Тульское общество «Мемориал», собираем деньги на издание 6-го тома Книги Памяти.

В предыдущих пяти томах увековечены сведения о десятках тысяч репрессированных. Но поток родственников, желающих сохранить память о безвинно пострадавших предках, не иссякает. По каждому запросу мы проводим исследования, обращаемся в архивы, в том числе и закрытые.

Этот проект жизненно важен не только нам, это труд всей жизни удивительного человека — Сергея Львовича Щеглова. Человека с уникальной судьбой, прожившего долгую жизнь и не сложенного ни сталинскими лагерями, ни безжалостным временем. Ему 95 лет, но он возглавляет Тульский «Мемориал», принимает людей, работает по 16 часов в сутки. В 1938 году его отца расстреляли, а мать сроком на 10 лет выслали в Карагандинские лагеря, откуда она уже не вернулась.

Сам Сергей Щеглов был арестован КГБ СССР по обвинению в создании молодежной антисоветской организации. Срок отбывал за Полярным кругом, в Норильлаге.

В 1959 году, вслед за родителями, С.Л.Щеглов был реабилитирован и смог осуществить свою мечту — посвятить себя журналистике и литературе. Он стал членом Союза журналистов СССР и Союза писателей. С.Л.Щеглов (псевдоним — Норильский) — автор 14 книг: историко-краеведческих, литературоведческих, публицистических, документально-мемуарных. Главная тема его творчества — политические репрессии в СССР, судьбы людей, попавших в эти страшные жернова — и погибших, и тех, кто выжил. Он дважды удостоивался журналистской премии имени Глеба Успенского и литературной премии имени Льва Толстого.

Главное дело Сергея Львовича — издание Книг Памяти, увековечение памяти о погибших безвинно.

Просим всех неравнодушных людей помочь и поддержать этот проект!

В обращении Сергей Львович Щеглов говорит, что сохранить и умножить память миллионов людей, замученных в годы советской власти по политическим мотивам, — в этом состоит главная задача Тульского отделения «Мемориала». Поэтому Тульский «Мемориал» просит людей внести посильный вклад в издание шестого тома Книги Памяти — кто сколько сможет. Сергей Львович от имени Тульского «Мемориала» заранее благодарит всех, кто принимает участие в этой акции.

На данный момент собрано более 29 тысяч рублей из необходимых 700 тысяч.

Елена СЕРЕГИНА,
Тула

На снимке: Сергей Львович Щеглов на презентации будущего 6-го тома Книги Памяти.

Фото из архива Тульского «Мемориала»

РЕПРЕССИРОВАННАЯ СЕМЬЯ ИГОРЯ ТАЛЬКОВА

Сотрудники Тульского «Мемориала» — исполнительный директор Елена Серегина и Владимир Фейлинг, учитель истории в городе Шекино Тульской области — подготовили для шестого тома Книги Памяти материал о семье своего земляка — певца Игоря Талькова.

Имя Игоря Талькова было хорошо известно в конце 1980-х годов. Певец, начинавший выступления с популярными артистами, перейдя к сольным концертам, сделал себе имя как гражданский рок-певец, поэт и композитор. Именно гражданского направления песни «Россия», «Я вернусь» сделали Талькова популярным.

Родители матери Талькова родом из Ставропольского края: мама, Татьяна Ивановна Мокроусова, — из крестьянской семьи, а отец, Юлий Рудольфович Швагерус, немец по происхождению, родился в семье кожевника в селе Иноземцево недалеко от Пятигорска. В эти места, на Северный Кавказ, во времена Екатерины II переселяли немцев из Европы.

В 1924 году был страшный голод, и семья переехала в село Новоселицкое, где жила вся родня Татьяны Ивановны. Дед поступил писарем в контору, а по вечерам занимался выделкой кож — тяжелым, изнурительным трудом. Естественно, со всех сторон пошли заказы, и он стал неплохо зарабатывать. Семья купила лошадь, корову, поросенка, обзавелась хозяйством и по тем временам зажила крепкой жизнью.

Но начались разговоры о коллективизации, и пришлось собираться назад, в город. Однако процесс раскулачивания коснулся и городских жителей. И только когда Татьяна Ивановна привезла из деревни документы, подтверждающие, что ее родные своего хозяйства не имели, всю жизнь батрачили и два брата погибли на фронте в Гражданскую войну, их оставили в покое.

С начала Великой Отечественной войны, в 1941 году, их как немцев, а значит, врагов выселили в Сибирь, в Томскую область, в деревню Усманка, где они работали за трудодни в колхозе. Позднее пришла повестка явиться на призывной пункт для отправ-

ки на трудфронт (тогда отправляли на шахты или военные заводы). Юлия Рудольфовича отправили, а Татьяну Ивановну из-за проблем с сердцем не взяли.

Чтобы не отправиться самой на трудфронт, сохранить то немногое, что еще оставалось, и иметь возможность отправлять посылки на шахты, старшая дочь Ольга вышла замуж за своего знакомого Николая. Теперь у нее была не немецкая фамилия, что несколько упрощало ее положение. Николай был из семьи середняков. Его дед с четырьмя сыновьями управлялся с хозяйством, не используя наемных рабочих. У каждого сына было по лошади. При раскулачивании середняков приравнивали к кулакам. Всех родственников мужа во главе с дедом отправили в Нарым. Дед погиб, а остальные со временем вернулись, подорвав здоровье, инвалидами. Отца Николая как сына кулака не брали на фронт, и Николая по этой же причине два раза возвращали с призывного пункта. Вот он и жил в деревне, рыбачил. Он был инвалидом, подорвавшим здоровье после раскулачивания. Пожившись, Ольга и Николай переехали на работу на реку Чулым.

По законам военного времени Николай должен был сняться со старого учета и встать на новый в трехдневный срок, но уложиться в положенное время он не успел. В итоге он был объявлен вне закона и вынужден был скрываться, хотя сам Николай при первой возможности собирался объявиться где-нибудь и попроситься на передовую. Ольга, конечно,

знала, где ее муж находился, но выдавать его не собиралась — ему грозил расстрел.

Ольгу арестовали в гостях у подруги. Пригрозили тюрьмой и статусом изменника Родине, если она не подпишет обязательство указать властям место нахождения мужа. Бумагу она подписала, тем самым подписав себе приговор, но выдавать супруга не собиралась.

Теперь скрываться пришлось им обоим. Несколько месяцев жили в лесу в землянке. Из-за беременности Ольги скрываться в лесу стало невозможно. Николай решил тайно сходить в деревню к родне, где они оставили какие-то вещи и наткнулся на засаду. В него стреляли и ранили в живот. И, скорее всего, полагая, что рана смертельная, он застрелился, чтобы не мучиться.

Ольга Юльевна осталась без мужа и средств к существованию, к тому же она была беременна. Единственный выход, посчитала она, — добраться до родных мужа. Дорога до родственников была очень тяжелой, часть — пути в тамбуре товарного поезда, часть пешком, часть — ползком. Ее вначале приняли хорошо, но долго пожить у родственников не удалось: выдали, арестовали, прогнали пешком 20 км до КПЗ.

В камере КПЗ у Ольги начались схватки, и в сопровождении милиционера ее отправили в больницу, где она родила сына. В палате постоянно присутствовал милиционер — он спал на соседней кровати, пряча пистолет под подушку. Через 11 месяцев состоялся суд. Вынесли приговор — 10 лет, и Ольга попала в лагерь для матерей. Ребенок болел и в год, с небольшим умер у нее на руках...

В лагере удалось познакомиться с людьми, которых Ольга Юльевна и не мечтала встретить на воле: артисты, люди из сферы искусства, науки. В свободное время она много читала в библиотеке.

Ольга с детства рисовала и в лагере стала делать открытки. Сначала

для себя, потом для лагерных знакомых. Рисовала к празднику по 100, 200, 300 открыток и продавала по рублю. На эти деньги покупала еду в ларьке зоны.

Потом в лагере образовался театр, и Ольгу Юльевну зачислили в агитбригаду, освободив от общих работ. Она и в театре играла, и художнику помогала в оформлении декораций, лагерных стендов, рисовала плакаты, писала стенгазеты.

Гордилась тем, что работала с режиссером Алексеем Григорьевичем Алексеевым, которого знала вся страна. (В разные годы был руководителем и главным режиссером московских Театра Сатиры, Театра оперетты, Театра миниатюр. Ставил программы оркестра Леонида Утесова. — Примеч. «30 октября»). Руководителем танцев была балерина Метельская. После ухода Метельской Ольга заменила ее и стала «примой»-танцовщицей. Танцевала одна и с партнером — со своим будущим мужем Владимиром Максимовичем Тальковым. С концертами и спектаклями они ездили по дальним и ближним лагерям. Первыми зрителями бывали вольные люди, обслуживающие лагерь, и их жены. Концерты всегда проходили с одинаковым успехом — на «бис».

Ольга чувствовала себя среди артистов как в своей семье. Ее будущий муж Владимир Максимович Тальков был профессиональным драматическим артистом, танцевал, декламировал. Он родился в Польше в семье полячки и казака, служившего там. В 1914 г. семья переехала в Россию. Отец работал на железной дороге, мама владела маленькой прачечной, где сама стирала. Владимир Тальков был арестован по политическому доносу как сын офицера царской армии.

Ольга и Владимир решили на воле жить вместе. Ольга Юльевна ждала ребенка, но продолжала выступать на сцене. В скором времени театр закрыли и наиболее талантливых актеров отправили руководить самостоятельностью в другие лагпункты. Тальковы оставили в зоне художником.

У нее родился мальчик, Владимир. Ребенок содержался отдельно, отец был в мужской зоне и не мог видеть сына. Вову поместили в ясли, расположенные на вольной территории. Матерей 7 раз в сутки

водили под конвоем кормить детей. Кормящим матерям даже выдавали отдельное питание — молоко, масло, сахар.

Вскоре Ольга Талькова освободилась и сразу уехала к своему отцу в Шекино, куда он был сослан на тульские шахты во время войны. Через год к ним присоединился освобожденный муж.

В 1956 г. отец Ольги нашел семье отдельную квартиру с двориком на окраине Шекино в деревне Грецовка. Этот домик стоит до сих пор.

И наконец, за хорошую работу мужу дали двухкомнатную квартиру в бараке. 4 ноября 1956 г. родился второй сын, Игорь.

В материале использованы воспоминания матери Талькова Ольги Юльевны Швагерус-Тальковой и его старшего брата Владимира Владимировича Талькова.

СПРАВКА: Впервые Игорь Тальков стал известен широкой публике после выступления в 1987 г. на фестивале «Песня года». После этого, чтобы поделиться с аудиторией собственными песнями, многие из которых по музыкальному стилю и тексту отличались от произведений, исполнявшихся им раньше, Тальков создал группу «Спасательный круг» и вскоре поехал с ней на гастроли с программой, состоявшей из двух частей: песни гражданского содержания и лирика.

В 1991 г. Тальков со своим музыкальным коллективом демонстрировал на многих концертных площадках СССР авторскую концертную программу «Суд», куда вошли песни гражданского направления и наиболее известные лирические песни. По замыслу программа представляла собой суд над организаторами Октябрьской революции 1917 г. и всеми последующими правительствами Советского государства, которые, по мнению автора, превратили Россию в одну из самых отсталых стран планеты.

Творчество Талькова трудно отнести к какому-либо определенному жанру; оно находится примерно на стыке поп-музыки, рок-музыки и авторской песни.

Игорь Тальков был убит 6 октября 1991 г. в Санкт-Петербурге во Дворце спорта «Юбилейный» при невыясненных обстоятельствах.

➤ Окончание. Начало на с. 3

ствующие стандарту. Сейчас вышло три линейки этих учебников, с 2016 года они поставляются во все школы, пояснил Ломакин.

О НРАВСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ ПРОШЛОГО И СВОБОДЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

«Выбор учебника зависит от учителя. И здесь в каком-то смысле Россия находится в довольно привилегированном положении, — отмечает собеседник. — Ситуация в каком-то смысле оказывается более либеральной, чем, к примеру,

тий. Последовавшие затем события — малозначительная увертюра к войне. И только в одном учебнике из двенадцати говорится о том, что для жителей территорий, которые присоединил Советский Союз, это стало катастрофическим событием, отмечает российский историк.

О РЕПРЕССИЯХ В УЧЕБНИКАХ

Появившаяся в 1990-х годах в учебниках тема репрессий так и не привела, по его словам, к пересмотру всего нарратива. «Скорее, речь идет о том, что она была встроена в общий контекст безо всякой претензии на его изменение. Мы рассказываем про коллективизацию

цифру 27 миллионов и отнесены к разделу «Цена Победы» в конце военного параграфа. Тут проблема не только в том, что смерть большого количества людей — на совести советского руководства и к Победе прямого отношения не имела, но и в том, что считается возможным некритически соотносить эти жертвы с понятием победы, поставить их на одну чашу весов, — отмечает собеседник. — Человеческая жизнь тонет в этом обобщенном океане смертей, ценность ее нивелируется. Не удивительно, что разные учебники дают отличающуюся статистику по военным жертвам — мы привыкли считать миллионами. Ничего уди-

ФЕСТИВАЛЬ В ПЕРМИ: НАВСТРЕЧУ ВЕСНЕ

в Германии. У нас до последнего времени учитель сам мог решать, сколько времени уделять какой теме, какой учебник из существующих двенадцати взять. Эти учебники совсем разные, в них представлены или хотя бы показаны различные точки зрения — от оголтелого сталинизма до умеренного либерального подхода к истории СССР».

«В Западной Германии после войны большое внимание уделялось образованию, — продолжает он. — Немцы хотели воспитать поколение с прививкой от тоталитаризма, поколение, которое будет мыслить критически, способное думать. Идея покаяния, которая возникает в конце 1960-х и достигает своего апогея в 1980–1990-х годах, очень сильно определила и содержание учебников по истории, и преподавание истории как предмета. Идеологических требований к этим учебникам намного больше, их базис — это нравственное отрицание фашизма и тоталитаризма, без оглядки на возможную эффективность этих режимов в кризисных ситуациях. Этой обязательности конкретной нравственной и гражданской оценки прошлого нет у нас. Хорошо это или плохо — вопрос».

О СОВЕТСКОМ И АНТИСОВЕТСКОМ

Из политически ангажированных учебников, оказавшихся на выставке, Никита Ломакин выделяет литовские. «Если где-то можно говорить об антисоветском нарративе истории войны — то именно в них, — считает он. — Тут нужно понимать неоднозначность ситуации. Именно СССР прекратил существование независимой Литвы в XX веке. И этот факт, а также масштабные репрессии и депортации, организованные советской властью, в сознании авторов учебника перевешивают зло, которое причинили этим землям немецкие войска и службы. Накладывается на эту картину еще и трудность в описании Холокоста — до сих пор в стране идут дебаты, как именно следует говорить о соучастии литовцев в массовом убийстве евреев. Все это приводит к тому, что Сталин объявляется чуть ли не главным злодеем XX века».

Период 1939–1941 годов, когда СССР по соглашению с Германией аннексирует новые территории, описывается в российских учебниках, по словам Никиты Ломакина, нейтрально. Пакт Молотова-Риббентропа, поделивший восточную Европу между двумя империями, описывается скорее как простой факт, в то время как «Мюнхенский сговор» называется предательством западных демокра-

и индустриализацию — добавляем про репрессии. Рассказываем про канун войны и неготовность армии — маленький абзац про репрессию», — поясняет Ломакин.

«Мы можем поставить для себя человеческий вопрос: должен ли тот факт, что советский эксперимент убил миллионы мирных граждан и искалечил судьбы десятков миллионов людей, влиять на способ описания истории XX века или нет? — продолжает он. — Во всех нынешних учебниках ответ очевиден — нет. Почему? У нас есть другая важная история — история технологии, достижений культуры, военные победы. Есть социализм и «оттепель». В учебниках тема репрессий нормализуется, ставится в один ряд со всеми победами и поражениями. Но как ответим на этот вопрос мы? С каких позиций должна рассказываться история государства? Хотим ли мы четко нравственно определенной истории или хотим, чтобы она давала материал для споров о нравственности?»

С вопросом о репрессиях связан еще один «интересный аспект описания истории войны» в учебниках — это тема жертв войны. «Все жертвы во всех учебниках объединены в единую непостижимую

вительного нет и в том, что во всех учебниках вопрос о без вести пропавших и их количестве обходится стороной».

О ШКОЛЬНИКАХ

За время работы выставки в Москве у Никиты Ломакина появился некоторый опыт общения со старшеклассниками, которые приходили ее смотреть. «Я могу уверенно сказать, что это поколение очень рационально, критично и конструктивно, — считает собеседник. — Они прекрасно понимают, что учебники истории — это вещь манипулируемая. Они хорошо думают, и я в целом очень доволен общением с ними. По своему преподавательскому опыту и нашим экскурсиям у меня складывается впечатление, что сжимающаяся сейчас повестка общественной дискуссии дает большой стимул для внутреннего развития».

Елена ХРУСТАЛЕВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Посетители выставки
«Разные войны»
Фото их архива Пермского «Мемориала»

О содержании выставки рассказала в интервью пермскому интернет-журналу «Звезда» Алисия Ванцез-Глуза — историк, одна из авторов выставки с польской стороны (Центр «KARTA», Варшава).

«После открытия этой выставки в «Мемориале» в Москве мы смогли увидеть маленькие недостатки и неточности. Мы смогли посмотреть и на реакцию людей. Реакция была часто неожиданной, даже несмотря на то, что мы заранее сказали, что будем работать только с учебниками, которые были изданы после 2009 года и имеют самые большие тиражи. Например, когда эту выставку презентовали в Праге, там был историк из Польши, который посмотрел польскую часть выставки и был полон негодования: «Почему вы взяли такой плохой учебник?» Дело ведь не в том, хорошо или плохо показано то или иное событие. Дело в том, какими учебниками учителя реально пользуются».

Память в разных странах разная, и способ работы с исторической памятью тоже отличается. Когда в Москве было открытие выставки, я смотрела за реакцией и обратила внимание, что россияне смотрят только на ту часть экспозиции, которая касается России. Им было интересно, как мы показали Россию. Им было совершенно все равно, что происходило в других странах, всю выставку они проглядели мельком».

КАК В МУЗЕЯХ РАССКАЗЫВАТЬ О РЕПРЕССИЯХ?

В конце мая в «Международном Мемориале» состоялась дискуссия на тему «Что московские музеи помнят о тоталитарном прошлом страны?» Вечер был задуман как своего рода пролог 100-летней годовщины установления большевистской власти и ставил своей целью проследить, как сохраняется память о преступлениях советского режима в московских музеях.

Как рассказала в своем выступлении Александра Поливанова, организатор мероприятия и куратор культурных программ Общества «Мемориал», идея проведения подобной дискуссии родилась в рамках подготовки проекта «Москва. Топография террора».

«Моя коллега Наталья Барышникова готовила материал, посвященный местам памяти в Москве, где показаны все точки в городе. Для этого мы решили поговорить с различными музеями, но по мере получения информации оказалось, что речь идет о гораздо большем, чем о простой презентации проекта. Приближается 100-летие событий 1917 г., и нам кажется очень важным проследить, как сохраняется память о репрессиях в московских музеях независимо от их профиля: будь то дом-музей писателя или художника, краеведческий музей, художественный, исторический или любой другой», — сказала она.

Дискуссия была разделена на 2 части. В первой представители музеев — как профильных, занимающихся историей репрессий, так и непрофильных — в ходе трехминутного выступления должны были ответить на ряд вопросов: «С какими трудностями сталкиваются музеи, разрабатывая непростую тему? Достаточно ли представлена память о репрессиях в экспозициях столичных музеев? Всегда ли в музее хватает материалов и документов для включения темы репрессий в экспозицию и музейные программы?»

В рамках второй части предполагалось провести «мозговой штурм» с привлечением экспертов, для того чтобы ответить на вопросы, какие лучшие практики мировых музеев совести и памяти кажутся уместными в Москве и в России, а какие требуют серьезной адаптации или вовсе не годятся, и может ли музейное сотрудничество способствовать хотя бы частичному решению проблем и обогащению экспозиций московских музеев к 2017 г.?

ПО КАСАТЕЛЬНОЙ

Первая часть показала, что хотя бы в приглушенном виде тема репрессий присутствует в экспозиции практически любого музея — даже такого, который формально никак не связан с текущей историей. Так, заведующая отделом научно-методической работы Политехнического музея Стелла Морозова, начав с констатации того факта, что тема репрессий абсолютно не представлена в экспозиции, подчеркнула, что в рамках исследований, посвященных развитию технологий, сотрудники музея занимаются и изучением судеб предпринимателей. Итогом подобного изучения стала выставка, посвященная судьбе семьи Трындиных. Она подчеркнула, что музей очень рассчитывает на помощь профильных музеев для получения недостающих фотографий Трындиных. (Трындины были первыми русскими оптиками, купцами и промышленниками. Фирма «Е.С.Трындина и сыновей» была одной из крупнейших компаний дореволюционной России, производившей оптические, физические, геодезические приборы, учебно-наглядные пособия и медицинские инструменты. После револю-

ции предприятие было национализировано. — Примеч. «30 октября».)

Заведующая отделом внешних коммуникаций Государственного биологического музея им. Тимирязева Софья Пантюлина, также отметив, что каких-то специальных экспозиций, посвященных репрессиям, нет, тем не менее, подчеркнула, что «следов прошлого» в нем очень много. «После известных событий 1949 года, когда власть в области биологии взял Лысенко, музей стал совсем другим. Сменилось все — и команда, и экспозиция». Она рассказала, что в музее прошел ряд выставок, посвященных событиям тех лет: выставка «Трагедия советской биологии», выставка, посвященная И.В.Мичурину — человеку, чьим именем прикрывался Лысенко и который, по мнению Софьи Пантюлиной, больше всего нуждается в реабилитации, выставка, посвященные генетику Н.В. Тимофееву-Ресовскому и В.П.Эфроимову.

Заместитель директора музея «Садовое кольцо» Анна Буга сказала, что в музее пока нет экспозиции на тему репрессий. Она сообщила, что в настоящий момент проходят консультации с Александрой Поливановой на тему, как можно было бы написать историю репрессий в экспозицию музея. Со своей стороны, она предложила организовать молодёжные мероприятия — например, велоквесты по местам, связанным с репрессиями.

Гораздо более вовлеченными в тему репрессий оказались музеи, посвященные русской литературе. Мария Котова, заведующая научным отделом музея Булгакова, отметила, что хотя сам писатель не был репрессирован, но репрессии коснулись многих лиц вокруг него. «Мы изучаем не только жизнь Булгакова, но и историко-культурный контекст 1920–1930-х годов, и репрессированными были их частью. В 1930-х репрессированы оказываются достаточно близкие к Булгакову люди — Н.Р.Эрдман (в его защиту Булгаков даже писал письмо Сталину), О.Э.Мандельштам. Сейчас мы делаем проект «Булгаковская Москва», в котором отмечаем все места, где писатель был в Москве или которые он упоминал, и отмечаем всех его репрессированных друзей и знакомых», — отметила Мария Котова. Она рассказала о проведенной в музее выставке «Дом 10», посвященной истории дома, в котором расположен музей, с 1904 по 2014 год. В рамках выставки рассказывалось о жившей здесь Анне Пигит, племяннице бывшего владельца дома и подруге Фанни Каплан, бывшей политкаторжанки, покушавшейся на Ленина в 1918 году. В 1938 году Пигит была арестована и расстреляна. Говоря о проблемах с доступом к материалам, Мария Котова отметила нежелание архива ФСБ делиться какими-либо документами с музеем.

Заведующая экспозиционным отделом музея Маяковского Марина Краснова отметила, что в музее очень мало материалов, связанных с репрессиями, поскольку его основной фонд формировался с 1930-х годов, рассказала об этих материалах: деле Маяковского со сводка-

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

«...ЭТИ ЛЮДИ БЫЛИ»

10 мая 2016 года в офисе «Международного Мемориала» в Москве прошел семинар «Государственный террор в СССР. Источники и методы изучения». В его рамках представлен только что изданный компакт-диск «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939».

Это электронный справочник о 39 950 сотрудниках НКВД, получивших специальные звания системы госбезопасности с момента их введения в 1935 году и до начала 1941 года. Особое внимание в этой работе уделено периоду с осени 1935-го до середины 1939 года.

В презентации участвовали автор справочника Андрей Жуков, много лет собиравший материалы в архивах, Ян Рачинский, готовивший эти материалы к изданию, председатель Правления Международного Мемориала Арсений Рогинский, историк Никита Петров и разработчик электронной версии Станислав Рачинский.

Арсений Рогинский отметил, что, хотя формально база данных представляет интерес для узкого круга специалистов, на самом деле она может заинтересовать значительно более широкий круг историков.

«Для чего это нужно? Эти вещи абсолютно необходимы всем, изучающим историю этого периода, известного под названием Большой террор. Мы читаем десятки и сотни воспоминаний, где говорится: «Меня допрашивал лейтенант такой-то». И если сведения о тех, кто подписывал ордера на аресты (это обычно были какие-то крупные чекисты) известны, то об этих людях часто известна только фамилия. И хочется, а часто бывает просто необходимо, найти какие-то сведения о них. Эта база дает нам такие возможности. Сам я совершил с ее помощью одно открытие. Мне всегда хотелось прокомментировать роман Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей». Домбровский всегда говорил, что фамилии героев подлинны. Я взглянул в базу — и действительно, в 1930-х годах в Алма-Ате были люди с такими именами. Не знаю, они ли вели дело Домбровского, кое-кого он слегка повысил в звании, но эти люди были», — отметил Рогинский.

Представитель Андрея Жукова, Арсений Рогинский рассказал, как много лет назад обратил внимание на человека, регулярно приходившего в «Мемориал» и прорабатывавшего одну за другой Книги Памяти. «Их и тогда было много, около 200 (сейчас свыше 300), и он изо дня в день их сплошняком просматривал. В «Мемориале» и тогда, и сейчас встречаются разные люди, но человек, просматривающий сплошняком все Книги Памяти, — это уникал. Мы начали общаться, и выяснилось, что он ищет в этих книгах репрессированных сотрудников госбезопасности. Это не вызвало у меня удивления — есть тема репрессированных священников, есть тема репрессированных французом, а есть — репрессированных сотрудников госбезопасности. Но в дальнейшем выяснилось, что имеются в виду не только репрессированные сотрудники, но и все сотрудники НКВД вообще. Сначала я не мог представить себе, как это — охватить всех сотрудников госбезопасности, их же много! Но выяснилось, что Андрей Николаевич работал по разным источникам — в том числе по лекащим в Государственном архиве РФ

приказам НКВД по личному составу, которые по удивительному стечению обстоятельств оказались доступны. Казалось бы, кому придет в голову прочесывать сотни Книг Памяти, просматривать тысячи приказов НКВД по личному составу? Но он просмотрел это. Стало понятно, что нельзя оставлять это достоянием домашних карточек и тетрадей. Мы продумали, как это делать, и приняли решение ограничиться периодом 1935–1939 годов и людьми, которые получали спецзвания, введенные как раз в 1935 году», — рассказал Рогинский.

В настоящий момент в базу включены сведения о 39 500 человек — практически обо всем составе госбезопасности того времени. «В изучении эпохи Большого террора, в изучении органов госбезопасности сделан значительный шаг», — заключил он.

Сам Андрей Жуков рассказал, что еще во время учебы на юридическом факультете МГУ он заинтересовался видными советскими деятелями госбезопасности, чьи биографии обрывались одинаково в 1937–1938 годах. Затем последовали занятия в библиотеке им. Некрасова и в Исторической библиотеке, а с 1991 года — в архивах ГАРФ и РГВА. «Сначала я хотел выяснить, кто был репрессирован. Потом пришло понимание, что нужно сделать общую базу. Большинство историй прослежены до 1939 года, но некоторых удалось отследить до июня 1941 года», — рассказал он.

Жуков также рассказал о проблемах, с которыми он столкнулся при создании базы, поскольку в использовавшихся им приказах о награждении и увольнении обычно приводились только инициалы. При этом большинство тех, кто получил спецзвания до конца 1938-го — начала 1939 года, сами попали под каток репрессий. Среди тех, кто получил звания, процент уцелевших был выше. Еще почти 1800 человек погибли на войне.

Ян Рачинский, сопредседатель Московского «Мемориала» (вместе с братом Станиславом он готовил электронное издание, подчеркнул, что база рассказывает не только о репрессированных, но и о тех, кто репрессировал. Он отметил, что создание базы заняло значительное время.

«Разговор о том, как это будет делаться, состоялся в конце 2012-го или в начале 2013 года, но никто не предполагал, что ее представление для публики займет столько времени», — он продемонстрировал различные этапы обработки информации: тетради, куда делались выписки, первые варианты базы и нынешний ее вариант. В настоящий момент в базе приводятся номера и даты приказов о присвоении спецзваний и об увольнении из НКВД, сведения о занимаемой на момент увольнения должности, а также информация о полученных государственных наградах и знаках «Почетный работник ВЧК-ГПУ».

Информация из приказов дополнена биографическими данными из других источников, — в первую очередь о погибших и пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны, а также о подвергшихся репрессиям. Использован и справочник Никиты Петрова и Константина Скоркина «Кто руководил НКВД» (М.: Звенья, 1999).

Преобразование собранных Андреем Жуковым и его коллегами материалов в электронную базу данных позволит историкам после публикации базы данных в Интернете выявить и устранить довольно много неточностей или пропусков.

«Что-то, видимо, еще предстоит исправлять. В частности, очень большая проблема с неполными именами и отчествами, когда есть только инициалы в приказе об увольнении. Поскольку у нас довольно много полных тезок, то опознать, которого именно из них

уволнили, не всегда тривиальная задача. В большинстве случаев, я уверен, это сделано правильно, но не исключено, что какие-то ошибки тоже будут обнаружены», — поделился сложностями историк.

Имена в базе упорядочены по алфавиту, званиям, полученным наградам, месту службы (этот раздел включает минимум сведений, поскольку в приказах очень редко упоминались места службы). Арсений Рогинский на это заметил, что точное определение места службы большинства людей, упомянутых в базе, — это «совершенно отдельная огромная работа».

Что касается репрессий, то, по словам Яна Збигневича, в некоторых случаях приходилось использовать предположения. «Увольнение с определенной формулировкой — по статье 38Б, т.е. в связи с арестом — уже говорит, что человек был репрессирован», — отметил он. Арсений Рогинский уточнил, что арест все же следовал не всегда и каждый такой случай стоило бы проверить. — Но вот что последовало за арестом — расстрел или прекращение дела — мы зачастую не знаем».

Заместитель председателя совета НИПЦ «Мемориал» Никита Петров отметил, что проект дает возможность взглянуть на историю репрессий со стороны тех, кто эти репрессии осуществлял. Кроме того, базу данных в дальнейшем могут пополнять сведения других баз об этом периоде — например, сайта «Подвиг народа» (созданного в 2010 году при поддержке Министерства обороны РФ интернет-ресурса, призванного аккумуля-

лировать всю информацию о награждениях участников Великой Отечественной войны). «Интернет-версия позволит сделать базу данных, с одной стороны, открытой для дальнейших изменений, а с другой — четко связанной с остальными интернет-ресурсами. Это то, что называется проектом в развитии», — заметил Никита Петров.

Он обратил внимание на огромный объем проработанного материала, подчеркнув уникальность проекта. Андрей Жуков, по словам Никиты Петрова, в какой-то момент пал было духом, но «Мемориал» ему сказал: мы тебя никуда не торопим, но полнота базы есть полнота, необходимо найти все возможные данные и внести их в базу. «Ни в одной стране соцлагеря нет подобного исследования по их спецслужбам — ни по Штази, ни по польской «безпеке», ни по другим — только здесь. И благодаря не государству, которое об этом не знает и знать не хочет, а благодаря энтузиазму людей», — заметил он.

Петров также рассказал о том, как был получен доступ к приказам НКВД по личному составу. «ГАРФ до начала 1990-х был архивом, закрытым для исследователей «с улицы». Но в 1990 году отношения, данные «Мемориалом», начали принимать в архивах. Однако когда мы запросили приказы по личному составу, нам сказали: обращайтесь в МВД за разрешением на доступ. Отделом реабилитации в МВД тогда руководил Владимир Коротеев, который всерьез воспринял Перестройку и решил, что «Мемориалу» надо помогать. Он и разрешения на доступ к приказам дал, и даже помог получить какую-то информацию из Главного информационного центра МВД».

Заведующий кафедрой отечественной истории и органов госбезопасности Академии ФСБ профессор Владимир Хаустов также отметил, что база — большой шаг в изучении Большого террора. «Здесь говорили о возможности уточнить, кто вел те или иные дела. Чтобы это узнать, нужно смотреть дела нереабилитированных чекистов — там все четко расписано. Не знаю, получится ли увидеть их сейчас. Скорее — нет. Но в ближайшем будущем, думаю, это будет возможно», — сказал он.

В конце 2016 года база данных «Кадровый состав органов государственной безопасности СССР. 1935–1939» должна появиться в Интернете.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Арсений Рогинский, Андрей Жуков и Ян Рачинский представляют новую базу данных. Фото Веры Васильевой

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

КАК В МУЗЕЯХ РАССКАЗЫВАТЬ О РЕПРЕССИЯХ?

➤ Продолжение. Начало на с. 5

ОГПУ о настроениях в писательской среде после самоубийства Маяковского, материалах о травле Маяковского во второй половине 1920-х годов. Краснова посетовала, что в экспозиции музея не хватает материалов об известном театральном режиссере В.В.Мейерхольде, который активно поддерживал Маяковского. Она также поделилась планами о создании в рамках музея подростковой зоны, где рассказывалось бы о проявлениях тоталитаризма как на уровне государства, так и на уровне семьи.

Директор дома-музея Пастернака Ирина Ерисанова, с сожалением отметив, что в экспозиции нет следов тех бурных событий, свидетелем

которых Пастернак был, подчеркнула, что музею не хватает подобных материалов. Чтобы заполнить этот пробел, музей, по словам И.Ерисановой, пришел к идее регулярной организации выставок. Среди них были выставка «Шум времени» с вещами погибших поэтов, выставка «Телефонный разговор», посвященная знаменитой беседе Сталина и Пастернака о Мандельштаме. «Задача этих выставок — не просто показывать, а бить по чувствам», — заключила она.

Заведующая научно-экспозиционным отделом Государственного литературного музея «Дом И.С.Остроухова в Трубниках» Анна Рудник подчеркнула, что, когда говоришь об истории русских

писателей XX века, тема репрессий возникает постоянно и музей не может пожаловаться на отсутствие материалов по теме. В качестве примера она привела выставку, посвященную Мандельштаму, который, судя по всему, стал символом репрессированных поэтов. На примере этой выставки Анна Рудник отметила, что у ГЛМ есть хороший опыт сотрудничества с архивами. «Мы получили все, что запрашивали из архива ФСБ, а Российский государственный военный архив предоставил нам так называемое эшелонное дело — на тот эшелон, где везли Мандельштама», — рассказала она. (О людях, ехавших с поэтом в одном эшелоне, «30 октября» писала в № 118, 119, 121–125.)

МУЗЕИ В ТЕМЕ

Информативными оказались выступления представителей профильных музеев. Директор музея ГУЛАГа Роман Романов отметил, что сейчас музей, переехавший недавно в новое здание, занят созданием постоянной экспозиции. В 2017 г. его филиалом станет музей знаменитого Дома на набережной. Кроме того, музей ГУЛАГа выступил инициатором создания Ассоциации российских музеев памяти, в которую согласились вступить свыше 20 музеев, и фонда увековечения памяти жертв политических репрессий, осуществляющего сбор средств на строительство мемориала жертвам репрессий в Москве. В рамках музейного сотрудничества действует временная

экспозиция, в которой представлены экспонаты из 25 музеев.

Координатор экспозиционной и выставочной деятельности Сахаровского центра Наталья Савомер отметила, что Центр в свое время был первым местом, где находилась экспозиция, посвященная истории тоталитарного режима в СССР и сопротивления ему. В настоящий момент в Центре можно увидеть ряд экспозиций: «Мифы и идеология СССР», «История политических репрессий», «Путь через ГУЛАГ» (в рамках этой экспозиции на основе целого ряда воспоминаний восстановлен путь «обычной» жертвы Большого террора),

➤ Окончание на с. 9

➤ Окончание. Начало на с. 1

О САХАРОВЕ, СВОБОДЕ И НЕСВОБОДЕ

1989 года Сахаров был подвергнут травле, когда его интервью канадской газете «Оттава ситизен» о советских военнослужащих в Афганистане было названо «провокационной вы-

ходкой, целью которой было унижение чести, достоинства и памяти сыновей своей Родины». Выступления Сахарова на съездах часто сопровождалось захлопыванием, выкриками из зала, свистом. В ноябре 1989 года Сахаров представил проект новой Конституции Союза советских республик Европы и Азии, предполагавший создание на месте СССР добровольного союза примерно 50 республик. Целью Союза объявлялись «счастливая, полная смысла жизнь, свобода материальная и духовная, благосостояние, мир и безопасность для граждан страны, для всех людей на Земле, независимо от их расы, национальности, пола, возраста и социального положения». Последнее выступление Сахарова состоялось на собрании Межрегиональной группы народных депутатов СССР 14 декабря 1989 года.

Академик Российской академии наук Александр Гуревич поделился своими воспоминаниями о Сахарове как ученом. Он рассказал, что во время ссылки Сахарова в Горький сотрудники Физического института АН добились разрешения ездить к нему для обсуждения научных вопросов. «И в науке, и в общественной жизни Сахаров всегда преследовал какую-то цель и всегда добивался своего», — резюмировал Гуревич.

Сотрудник архива Сахарова Екатерина Шиханович рассказала о жизни академика, отметив, что фактически он прожил не одну, а 3 жизни: работа над атомным проектом, где к нему прилипло прозвище «отца советской водородной бомбы»; участие в общественном движении, когда он стал официальным представителем Международной лиги прав человека в СССР, и его деятельность в качестве депутата Съезда народных депутатов СССР в 1989 году. Полемику с предыдущими выступлениями, Екатерина Шиханович заметила, что А.Д.Сахаров просто не успел стать политическим деятелем государственного масштаба, хотя был на пути к этому.

Основным содержанием фестиваля стали две большие дискуссии. Первая из них под названием «365 дней: что стало с родиной и с нами» была посвящена современной ситуации в России и ее возможному развитию. Открывая дискуссию, экономический обозреватель Борис Грозовский отметил, что экономика в России «несколько стабилизировалась». «Прекратилось обвальное падение рубежа 2014–2015 годов и началось вялое сползание в многолетний рецессию. Бизнес и население начинают постепенно приспосабливаться к этой ситуации: где-то уменьшают зарплаты, где-то происходят сокращения, люди стали ограничивать свое потребление и снова научились экономить», — сказал он. Грозовский подчеркнул, что в пресловутой «битве телевизора с холодильником», разговоры о которой были так популярны послед-

ние 2 года, пока побеждает телевизор. «Телевизор выступил в роли пылесоса и «всосал» в себя холодильник. Экономические проблемы страны втянуты внутрь геополитической повестки дня. И хотя власти и околоставные элитные группировки в последние годы вынуждены действовать в условиях постоянно сокращающегося бюджетного пирога, запаса прочности у российской экономики вполне достаточно. Она может еще долго медленно сокращаться, так как у нашего населения очень велики ресурсы выживания, и поэтому повторение венецуэльского сценария России в обозримом будущем не грозит», — заключил он.

Но если экономическая ситуация не вызвала особой дискуссии, то вопрос о политической ситуации в России привел к спору среди экспертов. Политолог и президент фонда «ИНДЕМ» Георгий Сатаров заявил, что власть в настоящий момент, несмотря на внешнюю крепость, пребывает в неустойчивом состоянии. «Это проявляется в самоуверенности, например. Любая власть тем сильнее, чем больше свобод она в состоянии дать обществу. Поэтому нынешняя российская власть постепенно слабеет, о чем свидетельствует вся ее лихорадочная деятельность последнего времени — запретительные законы Госдумы, усиление точечных репрессий и создание соответствующих институтов», — отметил он.

Руководитель программы «Российская внутренняя политика и политические институты» Московского центра Карнеги Андрей Колесников выразил несогласие с тезисом Сатарова, отметив, что тот недооценивает влияние «крымского синдрома», толкнувшего в объятия власти значительную часть образованного и прогрессивного сегмента общества. «Согласно социологическим опросам, самым главным достижением президента Путина население нашей страны считает возвращение России статуса великой державы. Это компенсирует для людей ухудшение экономической ситуации внутри страны, а также нарастание проблем с образованием и медициной. Начиная с марта 2016 года наблюдается падение рейтинга отдельных государственных институтов: Госдумы, правительства и многих губернаторов. Рейтинг президента Путина как символической фигуры, позволяющей гордиться своей страной, остается неизменным и почти буквально совпадает с рейтингом одобрения присоединения Крыма (82–83%)», — сказал он. Колесников отметил при этом, что природа условных 85% — «это как поддержка климата». «Если вы живете среди такой погоды и никак не можете на нее повлиять, то, скорее всего, вы станете солидаризироваться с ней», — заметил эксперт. Сатаров в ответ призвал не бояться высоких рейтингов власти, поскольку возможность перемен в стране зависит не от 85% поддерживающих власть,

а от 5–10% активного населения. «Любое развитие и любой прогресс инициирует активное меньшинство, а большинство в процессе изменений лишь подстраивается под них», — подчеркнул руководитель фонда «ИНДЕМ», заметив с огорчением, что пока 15% нонконформистов верят в силу и мощь 85%, воспринимая эту цифру как источник своей социальной обреченности, ничего в России в лучшую сторону не изменится. При этом, по его мнению, если в ближайшие несколько лет в России не будет никаких перемен, то существенно возрастет угроза ее территориальной целостности, поскольку может возобновиться процесс распада российской государственности.

Говоря о возможности проведения реформ, Андрей Колесников отметил, что реформы возможны только «сверху», поскольку любые изменения снизу приводят к революции. «Поэтому будущие перемены в России возможны лишь по инициативе власти после внутренних пертурбаций в ней самой», — сказал он. Георгий Сатаров, со своей стороны, заметил, что любые изменения в авторитарной стране возможны только при совпадении двух условий: раскола элит внутри власти и давления снизу в виде массового представительного и авторитетного уличного протеста. При этом раскол элит должен предшествовать появлению во власти влиятельных сторонников перемен, которые могут опираться на уличный протест, однако в нынешней России все эти факторы отсутствуют. Сатаров с сожалением заметил, что в настоящий момент оппозиция не может создать мощной оппозиционной фракции в парламенте, поскольку просто не готова к выборам. «Ее возглавляют люди из прошлого, которым следовало бы уйти из большой политики еще в конце 1990-х. Поэтому многим оппозиционным политикам свойственны характерные черты той эпохи: склонность к интригам, а не к сотрудничеству, полное игнорирование интересов потенциальных избирателей, которые ими рассматриваются только как электоральный ресурс», — резюмировал Сатаров. Борис Грозовский, говоря о российском обществе, отметил, что оно крайне атомизировано, что стало следствием методов проведе-

ния экономических реформ в 1990-е годы.

Говоря о прогнозах на ближайшее (полгода-год) будущее России, эксперты сошлись во мнении, что, скорее всего, речь пойдет об инерционном сценарии. Сатаров в качестве малореальных вариантов развития назвал возможность перехода к жесткой диктатуре либо авторитарной модернизации. Грозовский счел, что власть продолжит тактику «отрезания хвоста по частям», то есть медленного и постепенного сокращения прав и свобод, причем в качестве арены подобного наступления, помимо СМИ, будет выбрано высшее образование. Колесников выразил скепсис в отношении авторитарной модернизации и либерализации, заметив, что без серьезных перемен в политической системе России все эти планы обречены на провал.

Вторая дискуссия предшествовала показу фильма «Четверть века» (режиссер Александр Гурьянов), посвященному тому, как живут и что думают авторы некоторых писем

договора: полностью добровольного, но все же союз он считал необходимым сохранить», — уточнил политик.

Алексей Макаркин, со своей стороны, заметил, что 1989 год был временем, когда советская бюрократия, «загипнотизированная Горбачевым», несмотря на то, что Коммунистическая партия реально выиграла выборы, на Съезде народных депутатов оказалась парализованной. «Тогда сказались подчинение генсеку. Лишь затем начались разговоры: а не зашли ли мы слишком далеко? В итоге в 1991 году, буквально накануне путча, Горбачева едва не свергли на пленуме ЦК. Горбачев тогда удержался только на остатках страха членов ЦК», — рассказал он. Говоря об отношении к кандидатам в депутаты тогда и сейчас, Макаркин заметил, что если в конце 1980-х годов оно было романтичным («придут нормальные люди, исправят положение»), то сейчас оно стало прагматичным («говорят, мы не любим действующую власть, но если мы выберем этого кандидата, он нам сделает что-то хорошее»).

Отвечая на вопросы из зала, участники дискуссии также высказались об отношениях России и Запада, возложив изначальную вину за обострение этих отношений на западные страны. Станкевич заметил, что в начале 1990-х годов была достигнута договоренность о том, что в холодной войне не было победителей, и на этом нужно строить все отношения. «Но в дальнейшем Запад решил, что он выиграл и нужно перевести новые территории под свою юрисдикцию. А переговоры о создании общей системы безопасности так и не состоялись. В итоге эти провалы были использованы в оголтелой милитаризации сознания здесь», — сказал он. Макаркин заметил, что Запад не был готов к распаду СССР, но после этого распада стремился «притянуть» страны Восточной Европы, не учитывая интересов России. «А в середине 1990-х, со сменой поколений политиков, из большой политики ушли те, кто был заинтересован в договоре с Россией, и возможность договориться была утрачена», — заключил эксперт.

Председатель правления Общественной комиссии по сохранению наследия академика Сахарова, являющейся учредителем Сахаровского центра, Вячеслав Бахмин в интервью «30 октября» оценил прошедший фестиваль. «Это довольно традиционное мероприятие, которое происходит каждый год. Единственное, чего не было, — концерт бардовской песни. Его отменили из-за погоды и необходимости получать разрешение на проведение публичных мероприятий вне здания. Все было на очень хорошем уровне, как всегда в День Свободы и день рождения Андрея Дмитриевича Сахарова». Говоря о дискуссиях в рамках фестиваля, Бахмин заметил, что подобные мероприятия по разным темам проходят в Сахаровском центре практически еженедельно. «Но к Фестивалю Свободы обычно стараются подобрать те темы, которыми интересовался сам Андрей Дмитриевич», — подчеркнул он. По словам Бахмина, и дискуссии, и выставка, посвященная Сахарову, вызвали значительный интерес. «Во время дискуссий зал был полон совершенно. Я, например, стоял в коридоре — мест в зале не было, и на открытии выставки также зал был полный», — сказал он.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимках: Участники дискуссии в Сахаровском центре. Андрей Колесников, Сергей Медведев, Борис Грозовский, Георгий Сатаров (фото сверху). Борис Долгин, Алексей Макаркин и Сергей Станкевич (фото внизу). Фото их архива Сахаровского центра

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

Собеседник «30 октября» — бывший сотрудник КГБ Чечено-Ингушетии. В отставку ушел после развала СССР в звании подполковника. Распространяться о том, какие причины заставили его в срочном порядке покинуть республику и уйти в отставку, не любит. На интервью согласился с условием анонимности и чтобы в материале не назывались фамилии бывших сотрудников КГБ, которые были его сослуживцами.

— Андрей, как ты попал на службу в органы?

— Первый, кто со мной заговорил о том, что после университета можно работать не только в школе, был наш сосед, который служил в КГБ. Кстати, чеченец, я с его сыновьями дружил с детства. Соседи. На нашей улице попеременно жили чеченцы, русские, кумыки. Играли в футбол на пустыре. Дралась, тут же мирились — не без этого. Все пацаны говорили свободно и на русском, и на чеченском. Нормально жили, дружно.

— Но он же не со всеми друзьями сыновей говорил на тему трудоустройства в КГБ, наверное.

— Видимо, сыграло роль то, что у меня была склонность к языкам. В школе учили немецкий, а я сам стал учить английский. В совершенстве знал чеченский, даже лучше, чем некоторые чеченские ребята. Интересовался арабским. Ну, еще, уже учась в старших классах, приставал к нему с «неудобными» вопросами. О депортации, например.

— И что, он тебе рассказывал, как все было на самом деле?

— Нет, конечно. Отдельвался общими фразами, типа, это была ошибка, ну и все в этом духе. Уже когда я был студентом, учился на инязе, у нас с ним был разговор, который мне запомнился. Он на своей машине собирался ехать в Пятигорск, и мне нужно было туда попасть. Напросился в попутчики. Вот тогда я от него узнал, что в 1930—1950-е годы судебные органы во многих случаях подменялись органами НКВД-МГБ, которые осуществляли судебные функции. Я слышал, что людей судили и выносили приговор «тройки». А от него я узнал, что были еще и «двойки», и «особые совещания». Эти вот структуры сами расследовали и сами судили людей. Я тогда спросил его, почему все это происходило? Что всех судили, расстреливали под одну гребенку. Он сказал, что установка такая была и все эти распоряжения шли «сверху». Ну, что такое «годы репрессий», сейчас известно. Хотя еще много материалов находится под грифом «совершенно секретно».

— Ты во все, что он говорил, верил? Доверял ему?

— Понимаешь, я видел, как к нему относились все наши соседи. Простых людей ведь не обманешь. Даже если он и облечен какой-то властью, он оставался человеком. В их доме всегда на плите стоял чайник и стол был сервирован для чаепития, потому что, когда он был дома, всегда кто-то приходил к нему за советом, помощью. А у нас, сама знаешь, если человек пришел в дом, то беседа идет за чаепитием. Он был человеком честным и справедливым. Тогда же он сказал мне, что в 1953—1955 гг. начали пересматривать дела, по которым вынесли приговоры «двойки», «тройки» и «особые совещания». Были реабилитированы те, кто был осужден и подвергнут репрессиям по решениям НКВД-МГБ.

— Это с тех лет идет процесс реабилитации репрессированных?

— Дело в том, что это была первая волна. Потом по непонятным причинам наступил некоторый спад.

— Наверное, органы не справлялись с огромным объемом работ, и было решено спустить процесс ре-

ЕСТЬ У РЕАБИЛИТАЦИИ НАЧАЛО, НО НЕ ВИДНО ЕЩЕ КОНЦА...

абилитации на тормозах? Или же во времена Брежнева решили, что преждевременно раскрывать размах массового уничтожения людей во время сталинских репрессий?

— Я больше склонен считать, что были государственные деятели, которые считали, что еще рано поднимать вопрос о реабилитации. Реабилитация делится на три периода: «хрущевской оттепели» 1953—1965 гг., потом годы перестройки — это 1985—1991 гг. и с 1991 г. по нынешний день — как назвать этот период, не знаю. После «хрущевской оттепели» наступает длительный спад. Но 11 июля 1988 г. вышло постановление ЦК КПСС по вопросам реабилитации лиц, необоснованно репрессированных в 1930—1940-х и в начале 1950-х гг. В результате прокуратуре и органам КГБ было дано поручение вести работу по пересмотру дел репрессированных. И самое главное условие — вести пересмотр дел даже без заявления родственников и самих пострадавших.

— В эти годы ты уже был сотрудником КГБ?

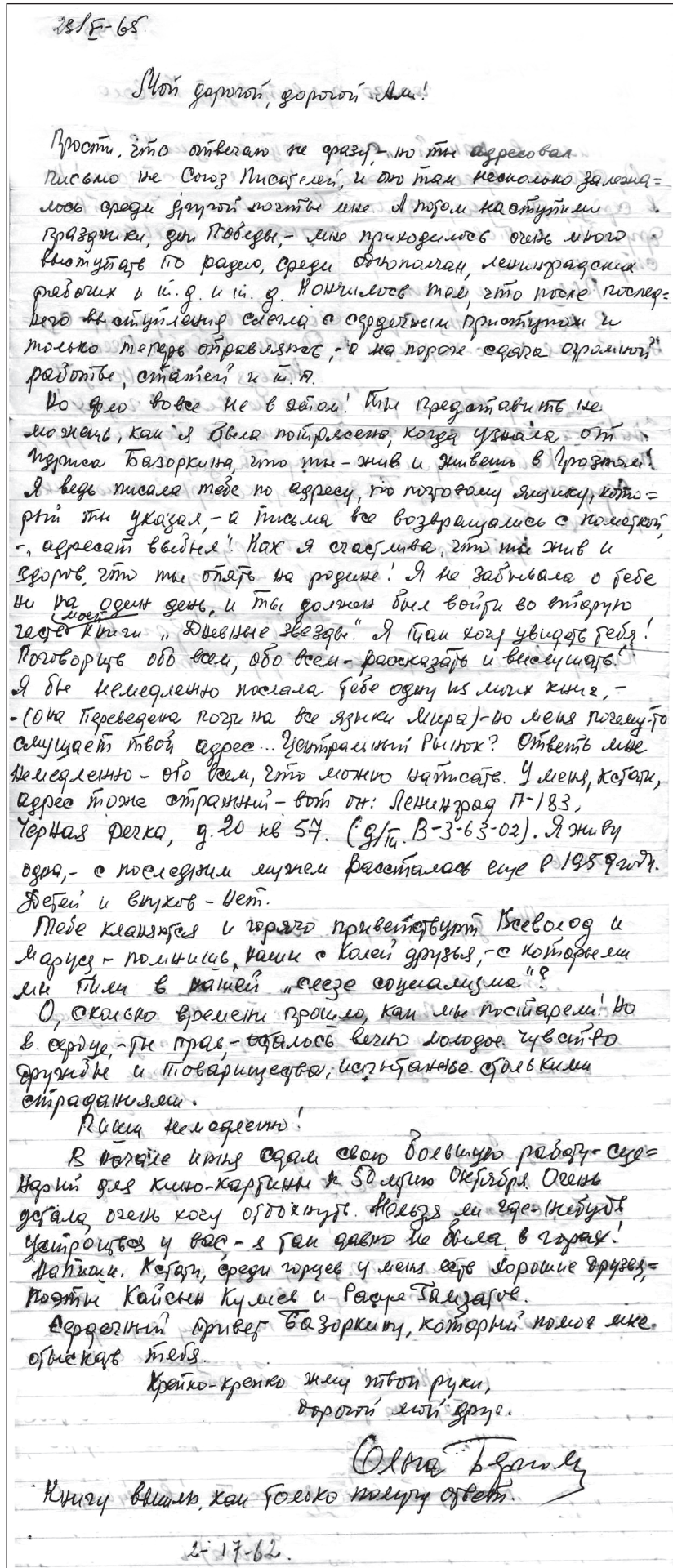
— Да, я уже служил в органах, и первый, кто мне дал рекомендацию, был наш сосед. Тогда он был уже в звании полковника. Ко времени принятия этого постановления я служил в органах уже 10 лет.

— А кто в вашем аппарате занимался вопросами реабилитации? Был создан специальный отдел?

— Нет, специального отдела не создавали. После принятия постановления ЦК партии во все комитеты госбезопасности тогдашнего Союза были разосланы дела ранее репрессированных. Присылали дела тех, кто был уроженцем этих мест или же был арестован и осужден в том регионе. Многие оперативники получили для рассмотрения дела репрессированных. Мне дали 100 дел.

— Ты помнишь эти уголовные дела?

— Запомнить их было трудно. Они все однотипные. Ты, наверное, думаешь, что это толстые папки с допросом обвиняемого, свидетелей и так далее. Ничего этого не было. Как правило, уголовное дело — это тоненькая папочка, где есть донос какого-то лица на данного человека и далее признательные показания, как правило, добытые в результате пыток. Обвинения строились на доносах. Доносы писали на сослуживцев, соседей, даже на родственников! Были и такие дела. Ну, к примеру, кто-то, стоя в очереди за хлебом, сказал, что вот, пришел поздно к магазину, проспал и, видимо, хлеба ему не достанется. Все! Стоящий тут же, в очереди, бдительный товарищ пишет в органы, что гражданин Иванов, к примеру, недоволен властью, которая не может граждан обеспечить хлебом. На одного мужика написали донос, когда тот перед праздником вешал флаг на козырьке своего дома, да не удержался на стремянке, упал и флаг замарал в луже. Со зла он обругал при всех нецензурно мужа сестры, который плохо держал стремянку. Тот в отместку написал на него донос, что тот специально флаг вывалил в грязь, и бедолага загремел на Дальний Восток по 58-й статье.

— Реабилитация распространялась только на тех, кто проходил по 58-й статье?

— В основном, да. Статья 58-10 УК СССР. Это и шпионаж, и недостоверность, и контрреволюционный саботаж... Людей сажали за «высказывание антисоветских суждений и клевету на советскую действительность». Бесчеловечность репрессий была в том, что с момента предъяв-

ления обвинений НКВД сразу считал человека «врагом народа» и, соответственно, на обвиняемого переставало действовать законодательство СССР — ни права на защиту, ни презумпция невиновности. Был в моей практике такой случай. К нам в органы устроился парень, выпускник нефтяного института. Прошел собеседование по всем кабинетам. А отдел кадров его тормознул — дед был

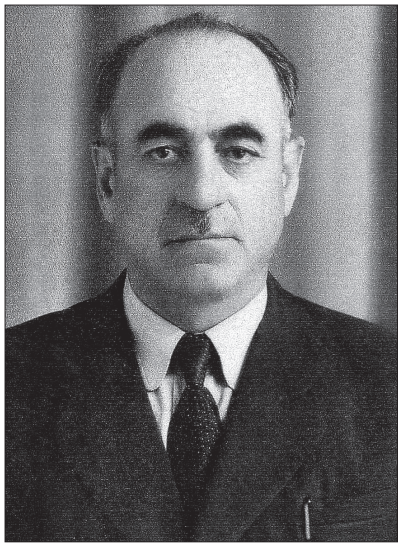
«врагом народа». Парень, конечно, расстроился. Про деда домашние ему ничего не рассказывали. О том, что его дед был арестован в Хабаровске и в тех же краях отбывал срок и умер в лагерях, он узнал от наших оперативников. И все равно дед — «враг народа», хотя уже всю жизнь идет пересмотр всех дел репрессированных. Я запросил из КГБ Хабаровского края дело этого старика. Оказалось, что он осужден по оговору за «контрреволюционный саботаж». Дело выведенного яйца не стоило. Разобрались, парня приняли на службу в органы.

— Когда ты знакомился с делами, у тебя не возникал вопрос, что за люди эти следователи, которые вот так запросто могли сломать судьбу человека, осудить на 10—15 лет или подвести под расстрел? Те, кто писал доносы, чаще всего преследовали какую-то свою цель: отомстить за обиду, занять место по службе, за счет арестованного расширить свою жилплощадь. А как объяснить позицию следователей?

— Тяжелый вопрос... Понимаешь, одно дело знать то, что происходило в годы сталинских репрессий по статьям, по оперативным материалам. И совсем другое, когда ты открываешь папку с делом, а там фотография нормального мужчины, взгляд растерянный, видно, что человек не понимает — за что его арестовали. То есть я вижу человека, знакомлюсь с его родителем-работягой, с его женой и детьми... И вижу, что осудили человека на 10 лет по оговору. У нас же такая работа, что своими мыслями ни с кем не поделишься, дома жене не расскажешь. Вот и «нарезал» круги по городу после работы, чтобы привести в порядок свои мысли.

— А поделиться с сослуживцами не мог? Ведь их, наверное, тоже такое настроение «накрывало»?

— Может, и накрывало... Только вот начинаешь этих дел репрессированных, а потом думаешь: а вдруг кто-то наблюдает за тобой, прислушивается к тому, что говоришь, ну и донесет, куда следует... Люди разные. Хотя дальнейшие события в Грозном показали, что все оперативники повели себя достойно... В 1991 г., когда пришел к власти Дудаев, мы, оперативники, начальники отделов приняли решение срочно вывезти архивы. Хотя «сверху» мы такого приказа не получали. За нами, сотрудниками, уже следили. Моей жене соседка чеченка сказала, чтобы уезжали из Грозного. «Ходили бородатые, спрашивали, где живут кагэбэшники. Мы-то сказали, что в нашем доме таких нет. Но люди разные, могут и сказать, что вы здесь живете. Лучше уезжайте от греха подальше», — сказала она жене. Но мы знали, что если мы оставим дудаевцам архивы, то в республике начнется кровопролитие между самими чеченцами. Среди них тоже было немало тех, кто не гнушался «сигнализировать» в органы. Архив вывозили по ночам, были у нас запасные выходы, туннели, по ним и выносили папки с архивными материалами. Кстати, среди любителей эпистолярного жанра были и некоторые лидеры чеченской оппозиции.

лось незамеченным. Уже не местные чекисты, а московские должны были арестовать Алмазова, о чем ему сообщили его друзья, сослуживцы по юридическому институту. Ольга Берггольц, зная, какая опасность грозит ее другу, настояла на его приезде в Ленинград. 2 года он прожил в Ленинграде в квартире Ольги Берггольц.

— Каким образом ему удалось избежать ареста? Ведь даже заступничество поэтессы в то время не могло бы спасти его.

— Как мне известно, тогда московские друзья Алмазова, с кем он учился, сделали так, что Али Алмазов через 2 года мог вернуться в республику и работать на прежнем месте. Но потом была депортация. А в 1950 г. его арестовали по 58-й статье и приговорили к 10 годам лишения свободы. Алмазов отбывал срок в Куйбышевлаг. После освобождения его отправили в Гурьев, где в ссылке жила их семья. Реабилитирован он был в 1960 г., последние годы жизни работал юристом в Грозном. В 1965 г. на съезде Союза писателей СССР Ольга Берггольц встретила с ингушским писателем Идрисом Базоркиным и от него узнала, как сложилась судьба Али Алмазова. В том же году, незадолго до своей смерти, уже очень больным, прикованным к постели он увиделся с Ольгой Федоровной. Она тогда отдыхала в Кисловодске, откуда ее привез в Грозный племянник Али. У Ольги Берггольц есть стихи, посвященные Али Алмазову. Таких людей, как Али Алмазов, было немало. Только о них, как правило, мало пишут. Больше о тех, кто зверствовал, подвергал нечеловеческим пыткам стариков, женщин. Были такие... У военных есть притча, что, пока не будет предан с почестями земле последний погибший солдат, нельзя говорить об окончании войны. Что же касается времен сталинских репрессий, то события тех лет будут жечь нашу память, пока не будет реабилитирован последний узник.

Анна ЗВЯГИНЦЕВА

На снимках: Али Алмазов. Факсимиле письма Ольги Берггольц Али Алмазову. Фото и письмо из семейного архива Олега Алмазова

— Ты говоришь о событиях, которые свежи в нашей памяти. Многие свидетели предвоенного и военного времени (1991–2002 г.) живы, и мы знаем, кто чего стоит. Но вот тогда, в годы репрессий, были среди силовиков такие, кто не верил в доносы и оговоры, кто жил по совести? Или система ломала и их?

— Репрессиям подвергались все. В том числе и работники органов. И чаще всего их судили за то, что они как могли сопротивлялись той системе. Вот, к примеру, история одного нашего сотрудника прокуратуры. В 1931 г. в республику после окончания Московского юридического института приехал Али Алмазов, уроженец села Барсуки Назрановского района. Работал в прокуратуре, а по долгу службы бывал на строительстве высокогорной ГЭС «Гизельдонстрой». Там он познакомился с Ольгой Берггольц, которая приехала на Кавказ в качестве корреспондента. Между ними завязалась дружба. Через некоторое время Али становится прокурором Ачхой-Мартановского района. Уже в те годы начались повальные аресты. Али, заранее зная, кого и за что собираются арестовывать, предупреждал людей, и те успевали уехать, уйти в горы. Его дважды арестовывали. В 1934 г. он был освобожден за отсутствием состава преступления. Однако он оставался верен своим принципам и после освобождения, уже не самолично, а через доверенных лиц предупреждал об аресте. Это не оста-

ВЕНКИ НА НЕБЕ

➤ Окончание. Начало на с. 2

знаменитому «Таганцевскому делу», в том числе поэт Николай Гумилев. Экскурсию по этим местам провела Ирина Флиге, директор Научно-информационного центра «Мемориал».

На вопрос «30 октября» — было больше или меньше участников на этом мероприятии, чем в предыдущие годы, сопредседатель Петербургского «Мемориала» Александр Даниэль ответил, что, на его взгляд, людей было меньше. «Я не могу сказать, почему так получилось, не могу объяснить. Знаете, год на год не приходится. Молодежь была, но немного. Молодые люди больше ходят на другие мероприятия, такие, как 30 октября, на 5 сентября. А 4 июня больше приходят почему-то пожилые люди».

По словам Александра Даниэля, историческая память меняется. «Это отражается не только в участии людей в различных мероприятиях. К примеру, проект «Последний адрес». Мы не считали, но явно видно, что таких табличек, которые появились на фасадах домов в результате этой акции, стало гораздо больше. Москва и Петербург — здесь эта акция идет наиболее интенсивно. Жители сами интересуются, кто в годы сталинского террора был арестован из их дома и не вернулся — был расстрелян или же умер в концлагерях. Успех проекта «Последний адрес» как раз и говорит о том, что историческая память меняется в лучшую сторону. Трудно измерить это какими-то цифрами. Еще один из показателей, что историческая память

меняется в лучшую сторону, те мемориальные объекты, которые стихийно организуются не организациями, а людьми, которые ставят памятники своим предкам, погибшим в годы террора. На том же мемориальном кладбище «Левашовская пустошь» каждый год появляются по десять и более мемориальных надгробий. Их ставят уже даже не внуки, а правнуки. «Значит, не забывают, помнят. Культура памяти не исчезает».

Татьяна ГАНТИМУРОВА,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

На снимке: Памятные венки, спущенные на воду. Фото их архива Фонда Иофе

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ СТАРОЕ

КАК В МУЗЕЯХ РАССКАЗЫВАТЬ О РЕПРЕССИЯХ?

➤ Окончание. Начало на с. 5

«Сопротивление несвободе» (охватывает период от смерти Сталина до 1991 г.). Также в рамках Центра действуют архив Сахарова с экспозицией об А.Д.Сахарове и правозащитном движении и музей-квартира Сахарова, в 2013 году отреставрированная с помощью средств, собранных через краудфандинг (подробнее об этом читайте в «30 октября» № 112). Наталья Самовер особенно выделила электронные ресурсы Центра, в том числе огромный массив воспоминаний самих репрессированных. «Воспоминания пользуются значительной популярностью. Мы отмечаем около 600 тысяч запросов в год. Время от времени люди, просматривающие эти воспоминания, натываются на сведения, важные для их семейной истории», — подчеркнула Наталья Самовер.

Завершавшая первую часть вечера Наталья Барышникова напомнила, что «Мемориал» изначально возник вокруг идеи создания памятник жертвам политических репрессий. В настоящий момент, помимо музейной экспозиции, посвященной репрессиям сталинской эпохи, в состав «Мемориала» входит ряд архивов: истории инакомыслия, школьного конкурса, устной истории и т.д.

В библиотеке «Мемориала» содержится крупнейшее собрание литературы по теме политических репрессий, включая и малотиражные издания. «Мы хотели бы, чтобы наши материалы также были доступны для внешних пользователей, и для этого был создан ряд виртуальных проектов. В рамках проекта «Москва. Топография террора» мы хотели бы создать кросс-музейный проект «Выход в город», который поддержал фонд Потанина, с возможностью установки указателей и табличек, чтобы обратить внимание горожан на то, что происходило рядом с ними в советское время», — подчеркнула Наталья Барышникова. Александра Поливанова добавила, что они приглашают другие музеи к участию в этом проекте и готовы помочь с созданием новых экскурсий, поделиться уже имеющимися наработками и т.д.

ВОПРОС — КАК ПОКАЗЫВАТЬ

Второй этап дискуссии продемонстрировал серьезные противоречия в среде экспертов по вопросу о том, как нужно показывать тему репрессий в музеях.

Сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук Михаил Гнедовский счел, что нужно показывать ре-

прессии через общую атмосферу и образ жизни того времени.

Журналист Андрей Завадский отметил, что главное при подаче материала — вызвать у посетителей эмпатию. «Нужно рассказывать о XX веке так, чтобы это было интересно и подросткам, и детям, и взрослым. Нужно вводить такие понятия, как уважение, сострадание, понимание «другого», — заявил он.

Директор программ Российского фонда культуры Мария Шубина также выступила за новые формы работы с посетителями, предложив рассказывать историю через историю конкретных людей. «Если будет еще один стенд с рассказом о репрессиях, с цифрами и фактами, то это не привлечет детей и подростков. А если будет рассказ о конкретных людях, то это будет интересно, поскольку человек может соотнести себя с ними», — сказала она. Профессор отделения культурологии НИУ ВШЭ Ян Левченко также отметил необходимость «очеловечивания» выставок, предостерегая при этом от чрезмерного следования за модой. Ребята проедут, селфи сделают на местах памяти, но что это даст им в сфере памяти? — заметил он.

Руководитель лекторской программы «Мемориала» «Уроки истории» Александра Лозинская подняла вопрос о неразработанности ико-

нографии репрессий. «Если в случае Холокоста существуют какие-то узнаваемые образы, то в ситуации с репрессиями их значительно меньше, и нужна работа по их закреплению», — отметила она.

Некоторые выступавшие подчеркивали необходимость показывать не узкую тему террора, а более широко — историю СССР. Культуролог Анатолий Голубовский отметил, что в экспозиции нельзя ограничиваться временем Большого террора, а нужно рассказывать обо всех репрессиях советского времени. «Иначе эпоха Большого террора получается вырванной из контекста. Это абсолютно дезориентирует людей, которые не имеют знаний об эпохе. Получается, что террор спустился откуда-то с небес и куда-то потом делся», — заметил он.

Наталья Самовер, в свою очередь, заметила, что тоталитаризм — это не столько репрессии, сколько постоянная несвобода. «Репрессии — это доведение состояния несвободы до определенного предела. Наше общество, литература, наука, промышленность, экономика, застройка наших городов, наша одежда, наши песни и наши нравы — все несет на себе отпечаток несвободы и борьбы с ней. Встав на эту точку зрения, практически любой музей обнаружит в привычном для себя материале неожиданно богатое дра-

матическое содержание. Эмпатия к человеку прошлого рождается именно из прикосновения к этой драме. «Научные» музеи как раз и могут показывать яркую драму советской науки и т.д.», — сказала она.

Руководитель молодежных и образовательных программ «Международного Мемориала» Ирина Щербакова подчеркнула, что в настоящий момент нет четкого нарратива, которому могли бы следовать музеи. «Есть действительно замечательные музеи, очень много сделавшие для увековечения темы репрессий, но мы не можем пробиться к сознанию молодежи, если человек придет на выставку или в музей, ему покажут то, что противоречит всему, что он знает. Через предметы, через историю предметов, которые есть в каждом доме и каждый ими пользовался, а у них такая страшная история, можно рассказать гораздо больше. Поэтому столь важны в этом плане экскурсии. Ты 10 раз ходишь вокруг этого конкретного дома и никогда не думал и не знал о том, что в этом доме было раньше, какая страшная история тянется за ним», — заметила она.

Семен ЧАРНЫЙ,
корреспондент интернет-издания
«Кавказский узел» www.kavkaz-uzel.ru
специально для «30 октября»

17 июля прошла последняя летняя экскурсия по Москве Варлама Шаламова. Бесплатные пешеходные экскурсии по центру Москвы продолжительностью около двух часов по местам, связанным с жизнью и творчеством писателя, проводятся организаторами проекта (Обществом «Мемориал» и редакцией сайта Shalakov.ru) с 2015 года, и их посещаемость растет.

С 2015 года в Москве с периодичностью не менее раза в месяц проводятся пешие экскурсии «Москва Варлама Шаламова». Маршрут начинается от Большого Черкасского переулка, проходит через Лубянскую площадь, мимо Дома Союзов, МГУ, Пашкова дома, и завершается все в Чистом переулке. Очень интересный и довольно продолжительный маршрут, учитывая остановки. Участники экскурсии получают в подарок буклет с основной биографической информацией о писателе, а также о маршруте, который предстоит пройти в рамках экскурсии.

Программа «Москва Варлама Шаламова» проводится Московским «Мемориалом» совместно с редакцией сайта Shalakov.ru на средства субсидии из бюджета Москвы, полученной по итогам проводимого Комитетом общественных связей конкурса для социально ориентированных некоммерческих организаций.

Павел, экскурсовод и организатор проекта «Моспешком», сотрудничающий с «Мемориалом», отметил, что вопрос понимания шаламовского творчества будет упомянут, но раскрыть ее за это время невозможно. Главный сюжет экскурсии — три Москвы Варлама Шаламова.

По словам Павла Гнилорыбова, для большинства участников экскурсии удивительным является тот факт, что Шаламов писал не только прозу, но и стихи: «Для многих, для процентов 80, это является фактом, о котором они ранее вообще не знали». Шаламов как автор «Колымских рассказов» за экскурсию упоминается всего пару раз. Зато участники задаются вопросом, что являлось в его творчестве первичным, «стихи или проза». Как оказалось, стихи, которые он начал писать еще в школе.

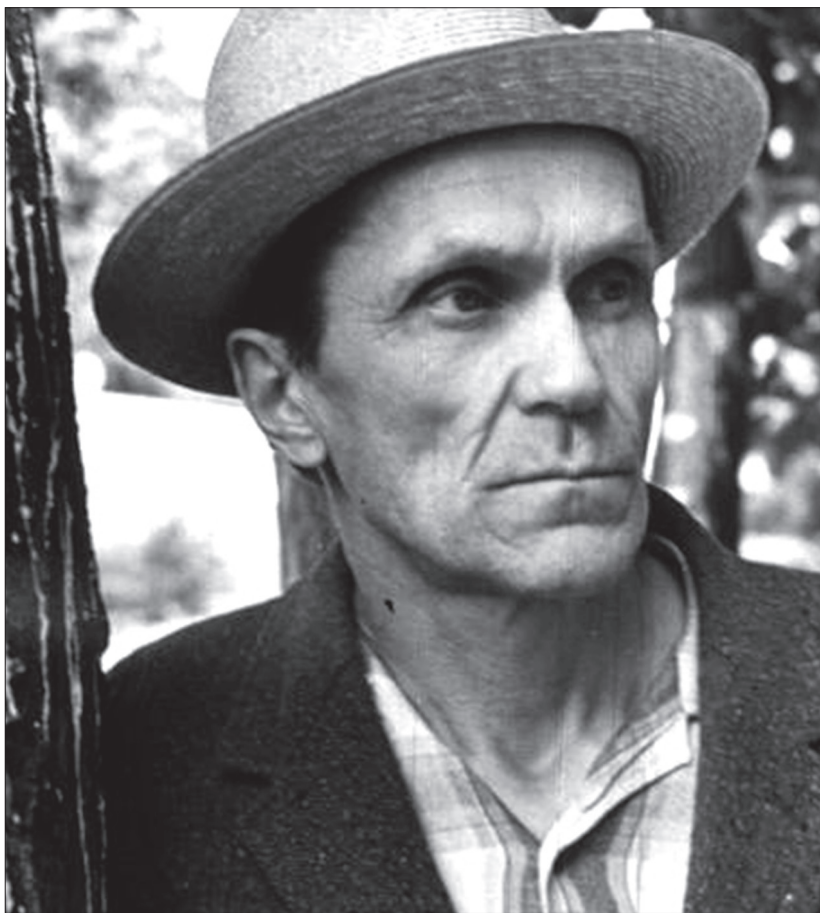
Павел Гнилорыбов рассказывает, что у экскурсии вначале было мало посетителей: «Вначале была мизерная посещаемость. Люди привыкли, что писателей вытаскивают из склепа по определенным датам». Но не круглые даты и юбилеи открывают читателям автора. Павел размышляет о том, что важность проекта, заключается в поводе для разговора о судьбе Шаламова, его творчестве, Москве того времени в целом. Участникам экскурсии предоставляется возможность взглянуть на историю через призму биографии Шаламова, его прозы и поэзии. Практика показывает, что так лучше запоминается история и одновременно по-другому воспринимается сам город.

По словам Павла Гнилорыбова, пожилой контингент участников пеших прогулок по шаламовской Москве постепенно разбавляется людьми среднего и молодого возраста. «Это наша работа в соцсетях, нас стали узнавать, и людей приходит все больше — от 4–5 экскурсантов в начале до 20–25 человек сейчас».

Более того, Шаламова недавно начали переиздавать, что также прибавляет людей, которые вновь для себя открывают Шаламова как автора, — рассказывает экскурсовод. — Есть те, кто приходит сюда как на обычную городскую прогулку. Недавно женщина поблагодарила меня за некоего «Шаламова». Я поинтересовался, кто это за «Шаламов», на что она сказала, что это правоискуситель. У не остался общий слепок в голове, но не более».

А ведь действительно, что знает российский читатель, полу-

ПРОГУЛКА ПО МОСКВЕ ВАРЛАМА ШАЛАМОВА

чивший возможность прочитать «Колымские рассказы» и стихи «Колымских тетрадей» только в 1990-е годы?

К столетию писателя в издательстве «Терра. Книжный клуб» вышло 6-томное собрание сочинений, в 2013 году появился дополнительный том материалов к этому собранию. Шаламов — писатель все еще недопрочитанный и полупризнанный. Даже собрание сочинений вышло тиражом всего 7 тысяч экземпляров, что для собрания сочинений очень немного.

Сами участники экскурсии рассказывают, что их заставило выйти из дому в жаркие летние дни и что для них значит Шаламов. Как рассказала Татьяна, знающая Шаламова только по его прозе, изучая жизнь известного автора, анализируя его связь с той эпохой, можно открыть для себя новую Москву с неожиданной точки зрения. «Это дает возможность посмотреть на московскую историю и, соответственно, на историю страны с неожиданной точки

зрения. Шаламов жил в центре тех событий. Как человек мыслящий и понимающий, он пытался этим знанием поделиться в своих произведениях», — заметила участница экскурсии.

Первая часть экскурсии — Москва 1920-х годов. «Первый раз Шаламов приехал в Москву в 1924 году и сразу же окупился в бурную культурную и политическую жизнь столицы», — рассказывает экскурсовод. Период, про который сейчас мало знают, — когда сталинская диктатура еще не установлена, когда Москва одна из культурных столиц Европы. И во всем этом «варится» Варлам Тихонович, и тогда он выбирает свой литературный путь. А это университетские диспуты, выступления Маяковского, театральные эксперименты «Синей блузы» («Синяя блуза» — советский агитационный эстрадный театр, отражавший самые различные темы — от общеполитических и международных до мелочей быта, новое революционное массовое искусство. Существовал с начала

1920-х до 1933 года), публичные лекции — все, чем бурлил московский «латинский квартал», было сутью жизни Шаламова в его первой Москве.

Ирина, еще одна ведущая экскурсии, отмечает, что все-таки Шаламов осознавал себя, прежде всего, как поэта, и это не могло не сказаться на его прозе. Анализируя творчество и путь Шаламова, она отмечает, что он до конца жизни останется человеком 1920-х годов, когда антисталинская борьба шла открыто и в ней активно участвовала студенческая молодежь, которая была заклещена при Сталине как «троцкистская» оппозиция. В 1930-х годах практически вся эта молодежь будет уничтожена или сослана надолго в лагерь.

Именно за участие в антисталинской оппозиции, за распространение т.н. «Завещания Ленина» — письма Ленина к съезду партии с осуждением Сталина и требованием его отставки — был осужден Шаламов на свой первый срок.

Дальше — Москва 1930-х годов, в которой Шаламов, вернувшийся из Вишерских лагерей в 1932 году, уже начал реализовываться как писатель. Работал журналистом, сочинял стихи, опубликовал первые рассказы. Но все это было прервано арестом в 1937 году. Как отмечает Павел Гнилорыбов, второй московский этап в жизни Шаламова изучен хуже всего и составить представление о нем можно, пожалуй, только с помощью автобиографических текстов.

«Москва 1930-х годов была городом страшным. Изобилие НЭПа — было ли это? Пузыри или вода целебного течения — все равно — исчезло...» — вот, что пишет о Москве тех лет сам Шаламов.

И наконец, третья Москва Шаламова — возвращение в город после Колымы в 1953 году. К слову, вернулся Шаламов не в Москву,

а в Подмоскowie — до 1956 года он жил за 101-м километром. Еще находясь на Колыме, он начал свою переписку с Пастернаком, переросшую в дружбу. Именно в этот период писатель создавал главное произведение своей жизни — знаменитые «Колымские рассказы». Шаламов предпринял еще одну попытку получить признание как писатель. Этот город прогрессирующего одиночества гения, теряющего зрение и слух, не дождавшегося при жизни должного признания... Последние 3 года жизни тяжелобольной Шаламов провел в Доме инвалидов и престарелых Литфонда в Тушине. И мученическая смерть.

Завершается экскурсия уличной выставкой «Когда мы вернемся в город...» Варлама Шаламова в Москве», которая будет продолжаться до 31 октября 2016 года. Выставка является отражением в фотографиях всей экскурсии, так как в ней делается акцент именно на трех московских периодах, а также дает представление о московской теме в творчестве писателя. Выстроенные в ряд 10 двусторонних стендов с подсветкой установлены на Гоголевском бульваре рядом с тем местом, где Шаламов жил некоторое время после возвращения из ссылки и где он получил свидетельство о реабилитации. Как пояснил экскурсовод, сам дом не сохранился.

После экскурсии в голове крутятся слова экскурсовода, с которых он начал прогулку: «Шаламов три раза пытался покорить Москву, и все три раза Москва его не приняла...»

Диана АЛИЕВА

На снимках: Участники экскурсии и Павел Гнилорыбов.

Варлам Шаламов, 1960-е гг.

Фото автора и из архива сайта Shalakov.ru

В середине июля вышел из печати литературный путеводитель «Когда мы вернемся в город... Варлам Шаламов в Москве». Издание — часть большой литературно-просветительской программы «Москва Варлама Шаламова», реализуемой «Мемориалом» совместно с редакцией сайта Shalakov.ru. Литературный путеводитель предлагает читателям самим узнать и посетить места (всего их 45), связанные с тремя московскими этапами биографии Шаламова: поступление в МГУ, возвращение из Вишерских лагерей и возвращение с Колымы. Издание компактное, его удобно носить с собой в прогулках по городу.

Всем, кому хотелось бы иметь такую книгу, «Мемориал» дарит ее бесплатно. Путеводитель можно взять в музее «Международного Мемориала» каждый день с 11.00 до 19.00.

ЛАТЫШСКИЙ ДОМ НА БАСМАННОЙ

Старые московские дома — предмет интереса краеведа Александра Азаренкова. Чтобы узнать о них больше, он находит старых жильцов или их родственников и знакомых, пытается восстановить историю домов через судьбы людей, в них проживавших. Так, для «30 октября» он написал об обитателях старинного дома на Новой Басманной улице, жизнь родителей и родных которых переместилась с уютной Басманной улицы в лагерь и тюрьмы ГУЛАГа.

Р.П. Эйдман (Эйдманис) — в Первую мировую войну — прапорщик. С 1918 года в Красной армии. Награжден двумя орденами Красного Знамени и орденом Красной Звезды. В 1932—1934 годах — член Реввоенсовета республики, с 1935 года — комкор (командир корпуса). Расстрелян 12 июня 1937 года.

«В латышский детдом поступали дети латышей, приехавших в Россию после Октябрьской революции. Моя мать, Зельма Лацис, — партийный работник, лектор ВЦСПС, с тремя детьми без мужа, «ни кола, ни двора» — двух детей устроила в детдом.

У моей бабушки в Латвии было 10 детей, 6 человек из них приехали в Советскую Россию, в Москву. Мать — латышка, а я — русская. Родилась я в Москве, родной язык — русский, отец тоже русский, Сергей Иванович Алексеев, заместитель директора управления домами культуры города Москвы. В Отечественную войну он работал военным аташе в Монголии.

В моей группе были и приходящие только на учебу дети. Приходящим на учебу был и Артур Эйзен, с которым я училась с 1-го по 3-й класс. В будущем он пел в ансамбле Советской армии имени А.Александрова, а потом стал артистом Большого театра.

В детском доме мы были свободными. Самостоятельно ходили в русскую школу, а также в баню на Разгуляй. Сняв пионерские галстуки, мы впервые посетили Елоховскую церковь. На первом этаже детдома окна были расположены близко к земле, форточки были огромные. Когда был отбой и все ложились спать, некоторые девочки-третеклассницы вылезали через форточки и бежали напротив в Бауманский сад. Там по вечерам играла музыка, выступали артисты. Возвращались мы тем же путем.

Когда у матери была возможность, она забирала нас с сестрой из детского дома на субботу и воскресенье. И тогда мы ютились у тети Гертты — 5 человек в двенадцатиметровой комнате. Позже, когда мать училась в Коммунистическом уни-

верситете национальных меньшинств Запада в Петровверигском переулке, где в то же время учился Иосип Броз Тито, национальный герой Югославии, матери предложили временное жилье в Старосадском переулке, д. 9. Огромный зал с очень высоким потолком был перегорожен невысокими перегородками на маленькие комнаты, где мы задыхались от дыма — курили соседи.

Так сложилась судьба, что значительно позже я проработала в этом здании — Государственной публичной исторической библиотеке — больше 35 лет.

В 1941 году, за несколько месяцев до войны, в последней учебной четверти детский дом был расформирован по разным детским домам. Я с сестрой Майей Лацис попала в детский дом № 46 по Пятницкой улице, в Вишняковском переулке.

Когда началась война, детский дом № 46 был эвакуирован в Татарию в село Русский Ошняк. Директором была опять Л.А.Буткевич. Через год, после окончания 7-го класса в Русском Ошьяке, нас всех выпустили в самостоятельную жизнь. Был 1942-й год. Мы уехали в город Елабугу и закончили первый курс педагогического училища. Жизнь была тяжелой, и тогда, разбившись на двойки, бывшие детдомовцы в 1943 году бежали к родственникам в Москву в товарных поездах.

После Отечественной войны я три раза приходила с бывшими детдомовцами или одна к дому № 19. Вход был свободный, мы проходили. Тогда не было никаких перепланировок, сохранился красивый витраж над лестницей. В один из приходов я встретила во дворе Людмилу Александровну³, она жила в квартире Барон.

...Эльга Сергеевна рассказывала и показывала мне в июне месяце 2013 г., что и где находилось в доме № 19, когда он был еще двухэтажным зданием интерната. Очень запомнился рассказ, когда ее маму предупредили об аресте и она ушла в недолгие безнадежные «бега».

Девочки позвали однажды тихо Эльгу, и она подбежала к решетчатому крайнему фасадному окну на первом этаже (решетка до сих пор та же). Мать прощалась с ней, все повторяя: «Запомни, дочь, я не враг народа». Далее последовали 18 лет лагерей и ссылки.

<...> Эльга Лацис вышла замуж за Андрея Андреевича Снесарева, младшего сына генерала Снесарева...

Андрей Евгеньевич Снесарев — георгиевский кавалер, выдающийся русский востоковед, военный географ и публицист, лингвист и путешественник, занимался изучением Индии, Туркестана, Афганистана, Кашгара. С сентября 1910 года — начальник штаба 2-й Сводно-казачьей дивизии. Генерал штаба (1899), Генерал-майор, к концу войны — командир IX армейского корпуса (1917 г.). В 1919—1921 годах начальник Академии генштаба РККА, профессор.

Арестован ОГПУ в январе 1930 года и приговорен к расстрелу, но «пошел» по известному делу «Весна» и был обвинен вторично. Вновь приговорен к расстрелу, который заменили сроком 10 лет, который он отбывал в Свирлаге и СЛОНе. Из лагеря его отдали умирать родным, освободив досрочно в 1934 году. Андрей Снесарев реабилитирован в 1958-м.

Приходила она в ранее указанный дом вместе со своей семьей в 2013 г.

Из дома № 19 забрали латыша Петра Юрьевича Богомолова, слесаря завода «Красная звезда», родившегося в Латвии, в Курляндской губернии, и латышку Марию Павловну Кейпенварлиц, педагога, члена ЛСДРП с 1911-го по 1917 год (родилась в Лифляндской губернии). Богомолова расстреляли 3 февраля 1938 года, Кейпенварлиц — 25 марта 1938 году на Бутковском полигоне.

Геннадий Эдуардович Сипол

Но за несколько лет до Снесаревой приходил сюда еще один бывший воспитанник латышского дома-интерната. Ко времени нашей встречи ему было 86 лет. Это Геннадий Эдуардович Сипол (фамилию его, на мой слух не латышскую, Эл(ь)га Снесарева мне перевела как «лук»). Сипол рассказывал мне и о себе, и о тогдашнем доме — где и что находилось до перестройки здания. Вспоминал среди прочего старинный камин, который хорошо сохранился до наших дней. Что-то забылось за давностью лет, но яркие эпизоды остались в моей памяти. Передаю их своему читателю.

«1937 год. Ночью стою у окна второго этажа, того, что выходит на военную комендатуру. Не спится никак. Внизу вдруг вижу: подъезжает легковой черный автомобиль «М-1» («Молотовский-первый»). С заинтересованностью наблюдаю. Выходят люди... и в наш подъезд. За мною! — как оказалось минутами позже».

Забрали его и на той же новенькой «Эмке» привезли в бывший Даниловский монастырь. Там находилась тогда тюрьма для несовершеннолетних, по словам Сипола, а точнее — детский изолятор НКВД для тех, чьи родители были репрессированы. Спустя время отправили его на Украину. Успел повоевать в начавшуюся войну моряком на Северном флоте. В послевоенные годы — «на Сибирских стройках», как он говорил. На самом же деле был опять арестован весной 1951 года и приговорен к 10 годам ИТЛ (ст. 58-10, ч. 1). Реабилитирован в январе 1956 года.

Александр АЗАРЕНКОВ

На снимке: современный вид дома на Н. Басманной, где в 1930-е годы располагался латышский детский дом. Фото предоставлено автором

¹ Имеется в виду книжный магазин Государственного издательства «Художественная литература», которое находится в этом доме с 1948 г. и по сей день.

² Там до сих пор стоят несколько станков.

³ Старший хранитель фондов ГУНО Мосгорисполкома. Фотографии и копии документов предоставлены дочерью Эльги Сергеевны Анной Комиссаровой.

О ПРЕСЛЕДОВАНИИ ПЕРМСКОГО ЦЕНТРА ГРАЖДАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

➤ Окончание. Начало на с. 1, 2

диктом: «Пособие показывает окружающий человека мир полным недоверием и страхом. В Пособии используются недостоверные статистические данные... Экспертируемое Пособие, используя манипуляционные приемы и несформированность мировоззрения школьников, формирует недостоверную картину мира, направляя целенаправленно подростка в сторону формирования агрессивного отношения к государству»; «содержание Пособия не соответствует Закону «Об образовании» и требованиям Федерального Государственного Стандарта (ФГОС) в части формирования российской гражданской идентичности, уважения к истории государства, воспитания чувства ответственности и долга перед Родиной».

Оставляя подобные негативные оценки труда пермских историков и правозащитников на совести экспертов, отметим следующие принципиальные аспекты проблемы.

Первый аспект — формальный: экспертиза выстроена так, будто речь идет об учебнике или учебном пособии, хотя методические рекомендации адресованы педагогам, а не школьникам.

Второй аспект — правовой. Авторы экспертизы игнорируют целый ряд государственно-правовых актов. Как известно, в Российской Федерации официально установлен День памяти жертв политических репрессий (30 октября), и на государственном уровне принята к реализации «Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий», включающая в себя «разработку образовательных и просветительских программ по этой теме с их последующим включением в общеобразовательные программы основного общего и среднего общего образования».

Третий аспект — содержательный. В «Пермском деле» мы вновь видим столкновение двух подходов к трактовке нашего исторического прошлого. Один объявляет высшей ценностью государство, другой видит основания сильного и суверенного государства в развитии личности и гражданского общества. В первом случае воспроизводится патерналистская и, по сути, типичная, охранительная модель воспитания и социализации. Во втором случае целью воспитания становится формирование как раз тех качеств, о которых говорится в образовательных актах, — гражданской идентичности, уважения к отечественной истории. Полагаем, что именно второй путь, который не только декларируется, но и фактически реализуется в образовательной практике А.Б.Сусловым и его пермскими коллегами, дает шанс на то, чтобы в стране формировался идеал гражданственности, а не культ подданничества.

Итак, экспертное заключение, написанное для Роскомнадзора под предлогом защиты детей от негативных эмоций, направлено на то, чтобы лишить школьников глубокого понимания истории отечества, скрыть от них ее самые сложные и тягостные эпизоды. Более того, это заключение откровенно служит реабилитации сталинского террора и фактически представляет собой призыв к введению цензуры, запрещенной Конституцией РФ, создает прецедент, который может иметь самые печальные последствия.

ИЮньСКИЕ И ИЮльСКИЕ ХРОНИКИ

1921. Июнь

Было разгромлено крестьянское восстание, которым руководил А.С.Антонов. В результате кровавой карательной экспедиции части Красной армии под командованием М.Тухачевского захватили Тамбовскую и Воронежскую губернии.

1931. Июнь

Писатель Евгений Замятин написал Сталину: «Уважаемый Иосиф Виссарионович, приговоренный к высшей мере наказания — автор настоящего письма — обращается к Вам с просьбой о замене этой меры другою <...>. Для меня <...> смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельство сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немыслимо <...> в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся травли <...>. В советском кодексе следующей ступени после смертного приговора является высылка из <...> СССР <...>». Замятин (по ходатайству Горького) получил положительный ответ и в ноябре 1931 г. покинул СССР.

1936. 16 июня

В СССР приехал французский писатель, будущий лауреат Нобелевской премии Андре Жид. Его путешествие по стране большевиков длилось 9 недель — Москва, Ленинград, Кавказ. Сталин с всемирно известным писателем, приверженцем коммунистической идеологии, встречаться не стал. Автор же «Фальшивомонетчиков», вернувшись из поездки, навсегда разлюбил коммунизм и опубликовал острокритическую книгу очерков «Возвращение из СССР». Имя писателя попало в СССР под запрет. Его очерки впервые были изданы в Советском Союзе в 1989 г.

18 июня

В Горках под Москвой умер Максим Горький. Вопрос о том, умер ли он своей смертью или был отравлен по приказу Сталина, продолжает вызывать споры. Так или иначе, но Сталин не преминул воспользоваться смертью родоначальника социалистического реализма: на процессе «Антисоветского правотроцкистского блока» (март 1938 г.) участие в умерщвлении Горького было инкриминировано Г.Г.Ягоде, врачам Л.Г.Левину и Д.Д.Плетневу, бывшему секретарю писателя П.П.Крючкову, сотруднику НКВД П.П.Буланову, которые были приговорены к расстрелу.

1941. Июнь

Состоялось «выселение социально-чуждого элемента» из Черновицкой и Измаильской областей Украины и Молдавии (13 июня), республик Прибалтики (14 июня), Западной Белоруссии (20 июня). Всего было вывезено на поселение и в исправительно-трудовые лагеря на территории РСФСР и Казахстана около 100 тысяч человек. В странах Балтии 14 июня отмечается как День памяти жертв коммунистического террора.

16 июня

Сталин и члены политбюро ЦК ВКП(б) подписали решение о создании Особой группы при НКВД во главе с П.Судоплатовым для физического устранения «враждебных лиц» внутри страны и за рубежом. Приказом НКВД группа была оформлена 5 июля 1941 г. Историк Никита Петров в № 128 «30 октя-

бря» приводит эпизоды, в которых принимал участие Судоплатов: «В 1946—1947 гг. это были тайные убийства, которые были осуществлены по приказу Сталина. Судоплатов в них виноват, и эти факты доказаны — убийство греко-католического епископа Феодора Ромжи в Закарпатье в 1947 г., убийство в 1946 г. украинского ссыльного социал-демократа Шумского, польского инженера Самета в том же 1946 г. и, наконец, Исай Оггинс, заключенный тюрьмы, который был тайно убит в 1947 г.»

22 июня

Вышла директива наркома внутренних дел и прокурора СССР № 221, запрещающая после отбытия срока освобождать из лагерей, тюрем и колоний «контрреволюционеров, бандитов, рецидивистов и других опасных преступников». Заключенных всех перечисленных в директиве категорий, а также польские контингенты, немцев и иноподанных сосредоточить в усиленно охраняемые зоны <...>. Содержащихся в лагере заключенных максимально законвоировать. Арестовать заключенных, на которых имеются материалы в антисоветской деятельности». Директива действовала до июня 1946 г. Общее число заключенных, которых коснулась директива, точно неизвестно.

23—30 июня

Войска НКВД расстреляли около 10 тысяч заключенных тюрем в западных областях Украины и Белоруссии, в том числе не менее 300 заключенных во дворе тюрьмы города Владимир-Вольнский, около 2 тысяч в тюрьмах города Луцка, 2,5 тысячи в тюрьмах Львова, 209 заключенных из тюрем Минска во время эвакуации, не менее 700 заключенных во время эвакуации из тюрьмы города Глубокое Вилейской области БССР. Массовые расстрелы производились НКВД и НКГБ во внесудебном порядке. В официальных документах эти действия именовались как «разгрузка тюрем» или «убийство по 1-й категории» в связи с началом войны и быстрым продвижением фашистских войск.

27 июня

Наркомы внутренних дел и госбезопасности попросили у Сталина санкции на расстрел заключенных в тюрьмах (в Москве — 775 «государственных преступников», заслуживающих расстрела, во Владимирской и Орловской тюрьмах — 527 ранее осужденных «особо опасных государственных преступников, которых также в связи с обстоятельствами военного времени следует расстрелять»). 1 июля Берия и Меркулов сообщили Сталину, что «на периферии» (на Украине, в Белоруссии, Молдавии, Эстонии, Латвии, в Ленинграде и Мурманске) «заслуживают применения высшей меры наказания — расстрела» 1282 арестованных.

1951. Июнь

В рамках МВД было создано управление Куйбышевгидрострой для ру-

ководства работами по строительству Куйбышевского гидроузла. В строительстве были заняты до 40 тысяч заключенных.

1956. 30 июня

Вышло постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Доклад был посвящен осуждению культа личности И.В.Сталина, массового террора и преступлений второй половины 1930-х — начала 1950-х гг., вина за которые возлагалась на Сталина. Также в докладе уделялось внимание проблеме реабилитации партийных и военных деятелей, репрессированных при Сталине.

1961. 30 июня

Жители Муром взбунтовались, разгромили и подожгли городской отдел милиции. Бунт был вызван известием о смерти в милиции одного из жителей города. В ходе стихийного митинга ораторы, один за другим поднимаясь на перевернутую машину, произносили гневные речи в адрес сотрудников правоохранительных органов. Так, некий Сергей Денисов призывал разгромить отдел милиции и освободить всех арестованных. Снимая при этом рубашку и показывая побои на теле, он утверждал, что они получены от милиционеров. Звучали призывы «Бей милицию!», «Бей фашистов!», «Бей гадов!» В ходе следствия по делу о массовых беспорядках в Муроме арестовали 19 человек. Восемь из них обвинили в организации массовых беспорядков, 11 — в хулиганстве. Трое обвиняемых были расстреляны, остальные приговорены к различным срокам лишения свободы. В день вынесения приговора на всех предприятиях города прошли митинги, на которых осуждались действия участников беспорядков. Рабочий фанерного завода Владимир Струнников, заявивший на одном из митингов, что осуждение было незаконным, и призвавший присоединиться к протестующим, был арестован и осужден к 7 годам лишения свободы. В 1965 г. он был реабилитирован.

1976. 8 июня

В Москве в результате тяжелой черепной травмы, нанесенной неизвестными (следствия по существу не было), умер поэт-переводчик, узник сталинских лагерей Константин Богатырев. Прощание с ним стало событием общественной жизни Москвы.

1981. 3—5 июня

В Харьковском облсуде слушалось дело Анатолия Корягина, врача-психиатра, консультанта Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях. Корягина приговорили к 7 годам заключения и 5 годам ссылки по обвинению в антисоветской деятельности за переписку с британским медицинским журналом «Лансет».

1926. 20 июля

В Москве умер Феликс Эдмундович Дзержинский, основатель и первый руководитель ВЧК, председатель ОГПУ СССР. На совести Дзержинского и первые волны послеоктябрьского террора (1917—1918 гг.), и «красный террор», захлестнувший страну после августа 1918 г., и первые сфабрикованные ВЧК—ОГПУ групповые дела, и первые крупные операции по разработке и ликвидации «вражеского подполья», основанные на провокации, и практика взятия заложников. Главной функцией ВЧК Дзержинский считал борьбу с контрреволюцией путем террора. Он возражал против ограничения полномочий ЧК, а на критику злоупотреблений ЧК заявлял, что «там, где пролетариат применил массовый террор, там мы не встречаем предательства» и что «право расстрела для ЧК чрезвычайно важно», даже если «меч ее при этом попадает случайно на головы невинных».

1951. 4, 12 июля

Был снят с должности, а затем арестован В.С.Абакумов. С 1946 г. он был министром госбезопасности СССР, в 1943—1946 г. начальником ГУКР СМЕРШ НК СССР. Абакумов осуществлял на практике во время войны и в послевоенные годы репрессивную политику партийного руководства страны. В декабре 1954 г. он был расстрелян.

1961. 1 июля

Президиум Верховного Совета СССР ввел смертную казнь за нарушение правил валютных операций. Принятие указа инициировал лично Н.С.Хрущев по конкретному поводу: за 2 недели до этого в Мосгорсуде проходил процесс по «делу Рокотова» (нарушение правил о валютных операциях и спекуляция валютными ценностями). Главные фигуранты процесса Я.Т.Рокотов и В.П.Файбышенко, в 1960 г. уже приговоренные к лишению свободы на 8 лет каждый, по указу от 5 мая 1961 г., специально «приуроченному» к «делу Рокотова», получили максимальный срок 15 лет каждый. После проведения кампании «народного гнева», сопровождаемой многочисленными «требованиями трудящихся» расстрелять валютчиков, Рокотов и Файбышенко были вновь судимы и 19 июля расстреляны. Таким образом, в течение чуть больше месяца, в нарушение элементарных норм права, дважды по одному делу закону была придана обратная сила.

18 июля

Состоялся один из кульминационных эпизодов, отражавших антицерковную политику, проводившуюся в годы правления Н.С.Хрущева. Архиерейский собор Русской православной церкви по требованию властей внес изменения в «Положение о Русской православной церкви», резко ухудшавшие правовое положение духовенства. Отныне власти получили возможность контролировать приходскую жизнь вплоть до мелочей. Священник, например, терял право быть членом церковно-приходского совета. За ним оставалось только духовное руководство общиной.

23—24 июля

Через месяц после беспорядков в г. Муроме произошли массовые беспорядки в г. Александрове Владимирской области, вызванные известием о задержании двух пьяных солдат на центральной площади города. Последовали разгром и

поджог городского отдела милиции, попытка захвата городской тюрьмы. По форме — пьяный бунт, по сути — социальный протест, направленный в первую очередь (как и во время муромских событий) против местной милиции. Суд над участниками массовых беспорядков, состоявшийся 22—25 августа, вынес приговор: четверых — к высшей мере наказания, пятерых к 15 годам лишения свободы. На втором процессе, прошедшем 5—9 октября, все подсудимые были приговорены к 15 годам лишения свободы.

30 июля

В газете «Правда» был опубликован проект новой Программы КПСС. Партия провозгласила, что за 20 лет в СССР будет построено бесклассовое коммунистическое общество.

1976. Июль

Советский гроссмейстер Виктор Корчной, претендент на первенство мира по шахматам, находясь в Нидерландах, попросил политического убежища. Сам Корчной так говорил о причинах побега: «Миллионы считают меня диссидентом, человеком, который боролся за то, чтобы Советский Союз распался. Но это не так. Я просто хотел играть в шахматы. И бежал из Союза, потому что моей карьере угрожала опасность. Не я первый начал, это советские власти втянули меня в войну. Можно считать так: борясь против СССР, я боролся за себя».

В Париже вышел третий (последний) том «Архипелага ГУЛАГ». Зарубежные карманные издания, как и ксерокопии, производимые энтузиастами внутри СССР, имели относительно широкое распространение. В СССР, конечно, спрос намного превышал предложение. Хранение и распространение «Архипелага ГУЛАГ» на протяжении более чем 10 лет рассматривалось как вид опасной «антисоветской деятельности».

1981. 14—15 и 20—21 июля

В Московском городском суде слушались дела членов Рабочей комиссии по расследованию использования психиатрии в политических целях Ирины Гривниной и Феликса Сереброва, которые оказывали помощь заключенным психиатрических больниц и их семьям. Гривнина редактировала «Информационные бюллетени» Рабочей комиссии, в которых публиковались сведения о жертвах карательной медицины. Гривнина была приговорена к 5 годам ссылки. Феликс Серебров — к 4 годам лагерей и 5 годам ссылки «за распространение клеветнических сведений, порочащих государство».

1991. 1 июля

Прекратил свое действие Варшавский договор. Разрушился военный союз СССР и стран Восточной Европы. В странах Варшавского договора доминирование СССР и его армии было абсолютным — «страны народной демократии» с конца 1940-х гг. были связаны с СССР двусторонними военными соглашениями, обеспечивавшими СССР 100%-ный контроль. Главной целью и смыслом существования Варшавского договора являлось не столько противостояние Западу, сколько идеологическая дисциплина внутри социалистического лагеря.

На снимке: пробный пуск воды на построенной заключенными Куйбышевской ГЭС. Фото из архива НИПЦ «Мемориал», Москва

Учредитель:

Международная общественная организация
«Международное историко-просветительское, благотворительное
и правозащитное общество «Мемориал»

Издатель и редакция — ООО «Мемо»

Адрес издателя и редакции:
129226 Москва, ул. Докукина, д. 6
Адрес учредителя: 127051 Москва,
Малый Каретный пер., д. 12

Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
E-mail: 30october@cknot.info
Над номером работал
Я.З.Рачинский

Главный редактор Г.С.Шведов
Выпускающий редактор Н.В.Савельчева
Литературный редактор Л.М.Алексеева
Корректор Г.В.Заславская
Верстальщик В.А.Ходина

18+

Газета зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № ПИ 77-1783 от 29.02.2000 г. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна
Газета «30 октября» № 132 от 31.07.2016 г. (июнь — июль 2016). Время подписания в печать: установленное по графику — 10.00, фактическое 10.00.
Тираж — 999 экз. Отпечатано в ООО «Эль-Квест Полиграфикс». Адрес типографии: 107023 Москва, ул. Малая Семеновская, д. 3, стр. 4. Распространяется бесплатно